КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ,

ВЫСКАЗАННЫЯ

ПРОФЕССОРОМЪ КРЫЛОВЫМЪ

НА

ПУБЛИЧНОМЪ ДИСПУТѢ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ
21 ДЕКАБРЯ 1856 ГОДА

НА СОЧИНЕНІЕ Г. ЧИЧЕРИНА:

ОБЛАСТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ВЪ РОССІИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ,
1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Мая 29-го дня 1857 года.

Ценсоръ Н. Фонъ-Крузе.

(изъ Русской Бесѣды. Москва 1857 г. № 2.)

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ,

высказанныя

ПРОФЕССОРОМЪ КРЫЛОВЫМЪ

на публичномъ диспутѣ въ Московскомъ университетѣ 21 дек. 1856 г.

на сочиненіе г. Чичерина:

ОБЛАСТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ РОССІИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Въ первой статьѣ моей я подвергнулъ критическому разбору сочиненіе г. Чичерина съ *методической*, или внѣшней стороны; теперь перехожу къ *юридической*, или *внутренней* сторонѣ, то есть, къ разсмотрѣнію тѣхъ *положительныхъ истинъ*, которыя составляютъ *содержаніе* литературнаго его труда. Каковъ бы ни былъ методическій снарядъ, посредствомъ котораго дѣйствуетъ наблюдатель, предметы пропускаются сквозь его отверстіе чисто, опредѣленно, и *относительно* даже вѣрно, т. е. находятся въ прямомъ соотвѣтствіи къ снаряду, не уклоняясь и не превращаясь въ другую свободную форму. Слѣдовательно, если явленія пропускаются неправильно, то вина лежитъ не на наблюдателѣ, но на инструментѣ и механикѣ, которому онъ былъ заказанъ. Я говорю это съ тою цѣлію, чтобы немного ослабить методическія прегрѣшенія нашего русскаго ученаго, всё таки виноватаго предъ наукою потому, что методъ есть его собственное почти изобрѣтеніе, а въ магазинѣ науки есть другіе вѣрнѣйшіе и всѣми употребляемые инструменты, которые она предлагаетъ каждому требователю *безвозмездно*, научая даже и обращенію съ ними. Но молодой человѣкъ, всегда нѣ-

сколько отважный и надмѣнный, повѣрилъ болѣе себѣ, нежели наукѣ; и въ этомъ онъ долженъ принести искреннее раскаяніе; а наука всегда готова простить: таковъ ея типъ. Но когда мы приступаемъ уже къ дѣйствительному быту, наполненному живыми лицами и осязательными происшествіями; тогда и методъ нашъ, каковъ бы онъ ни былъ, положимъ, недостаточный, ничего не значитъ: онъ долженъ уступить высшей силѣ *науки*, уставы которой такъ ясны и непреложны; разсудочное очарованіе должно изчезнуть разомъ при непосредственномъ, тѣлесномъ соприкосновеніи съ историческими явленіями. И такъ виновность наша возрастаетъ въ значительной степени.

Въ критическомъ разборѣ юридическаго содержанія, я остановлюсь только на *главныхъ, основныхъ положеніяхъ*, на которыхъ построена г. авторомъ ***Исторія Государства Россійскаго***; подробное изслѣдованіе и опроверженіе всѣхъ частныхъ, второстепенныхъ, выводныхъ положеній не входитъ въ планъ настоящей статьи: это не мое дѣло, и оно уже отчасти сдѣлано *спеціалистами* ([1]).

Въ Юриспруденціи, не смотря на условное ея несовершенство, есть опредѣленныя, *аподиктическія* истины, принятыя всѣми, какъ нормы, правила, regulae juris ([2]), которыми надобно руководствоваться при историческомъ изслѣдованіи юридическихъ явленій въ исторіи человѣчества, безъ различія земель и народовъ. Никто не можетъ разрушать этого священнаго достоянія безнаказанно: одному *генію*, всегда воспринимающему деспотическій размѣръ въ своемъ движеніи, позволено дѣлать уклоненіе отъ уставовъ науки. Но и онъ никогда не посягалъ на разумный элементъ въ правѣ (ratio naturalis); напротивъ, всегда ему сочувствуетъ, и силою своего ясновидѣнія, возвышаетъ его только въ новое достоинство. Часть этихъ непреложныхъ истинъ относится къ той области, по которой совершаетъ г. Чичеринъ свое ученое путешествіе. Въ критическихъ замѣчаніяхъ я долженъ ограничиться только тѣми предметами, которые подлежали разсмотрѣнію г. Чичерина въ *областныхъ учрежденіяхъ*: для критика эти границы должны быть священны.

---

(1) См. Русскую Бесѣду за 1856 годъ, III и IV книжку — въ отдѣлѣ Критики.

(2) Для любопытнаго укажу на прекрасный источникъ нѣкоторыхъ юридическихъ правилъ въ *Corpus juris* — Digest. liber L, tit. *XVI, XVII*, de verborum significatione et diversis juris regulis.

Для ясности и легкости пониманія нашего тяжебнаго дѣла, въ удовольствіе моему благосклонному читателю, *юридическія истины науки и личныя воззрѣнія г. автора относительно исторіи русскаго права*, я вставлю въ *столбцы*; — это какъ будто *тезисы*, выставляемые крупными буквами для ученыхъ диспутовъ, но въ особенной, двойственной формѣ, *положительной* и *отрицательной*. Съ такими указателями будемъ вмѣстѣ совершать литературную операцію надъ государственнымъ организмомъ Россіи въ самыхъ мягкихъ, выпуклыхъ его мѣстахъ: я люблю *кесарское сѣченіе*, привыкъ дѣлать трудный разрѣзъ; ибо дѣло тогда становится яснѣе. Такъ поступаютъ всѣ врачи при распознаваніи сомнительной болѣзни по мертвому тѣлу. Отступая такимъ образомъ отъ порядка, принятаго новою критикою, я позволю себѣ, въ оправданіе моего пріема, сдѣлать одно замѣчаніе: при разнообразномъ содержаніи нашихъ источниковъ и неустановившейся ихъ *догмѣ*, *критика*, преслѣдуя писателя, наподобіе врага, сопутствуя ему во всѣхъ его странствованіяхъ по лабиринту древней Россіи, и нападая на него на каждомъ шагу, мало понимаетъ новѣйшую *стратегическую* науку, и рѣдко поэтому достигаетъ своей цѣли. Такой способъ веденія литературной войны, и утомителенъ для защитниковъ науки, и не убѣдителенъ для читателя. Надобно обладать необычайною скоростію силъ; а онѣ, извѣстно, распредѣлены между людьми неравно; успѣхи побѣды нерѣшительны, даже случайны: на одномъ мѣстѣ разбитъ непріятель и обратился въ бѣгство; на другомъ вновь показался съ угрожающимъ видомъ; и такъ дѣло тянется до безконечности, до изнеможенія той и другой арміи; а всего чаще расходятся непріятели въ очаровательномъ убѣжденіи взаимной побѣды. Взгляните на обыкновенную нашу драку, въ формѣ кулачнаго боя, а не ручной схватки; она повторяется, для экзерцицій, не въ одномъ низшемъ слоѣ русскаго общества. Когда разойдутся бойцы, спросите: кто вышелъ побѣдителемъ, но спросите по одиначкѣ, снисходя къ слабости человѣческой, и вы услышите одинъ отвѣтъ, отъ каждаго — о рѣшительной побѣдѣ надъ врагомъ. Точно тоже и въ *литературѣ:* ибо физіологическое понятіе о *дракѣ* одинаково. Что̀ касается до меня лично, то я не одаренъ отъ природы боевыми силами, и огнестрѣльнаго оружія отъ роду въ руки не бралъ; а потому склоненъ болѣе къ мировымъ сдѣлкамъ, разумѣется, всегда для себя съ уступ-

ками. Но если *миръ* становится и для меня уже невозможнымъ, тогда я становлюсь къ вызванному на бой противнику лицомъ къ лицу, а не гоняюсь по его пятамъ, и, уважая вообще въ немъ умственныя, нравственныя и физическія *силы*, направляю на него свои словесные и письменные удары, не торопясь. Въ этой формѣ я сдѣлалъ первую стрѣльбу; въ той же формѣ я приступаю теперь къ рѣшительному, *генеральному* сраженію. За правое дѣло Богъ защитникъ.

И такъ къ *столбцамъ*.

I.

«Для всѣхъ человѣческихъ обладаній наука выработала двѣ типическія формы: владычество (imperium) и господство (dominium); первая форма назначена для области государственнаго права (jus publicum — stats-recht), вторая для гражданскаго права (jus privatum, civil-recht). Въ приложеніи ихъ къ Россіи, по мнѣнію г. Чичерина, у насъ до XVII вѣка исключительно дѣйствовала одна вторая форма или право частной собственности. Такое воззрѣніе, и по наукѣ немыслимо, и противорѣчитъ всѣмъ памятникамъ и учрежденіямъ, проходящимъ чрезъ всю отечественную исторію» (1).

Г. Чичеринъ утверждаетъ, что въ старой Россіи, во всѣхъ ея учрежденіяхъ, на землѣ и въ народѣ, въ земскихъ и городскихъ

(1) *Примѣчаніе.* Къ русскимъ юридическимъ понятіямъ я всегда буду приставлять *латинское — техническое* слово; это я дѣлаю по слѣдующимъ соображеніямъ, чрезвычайно важнымъ, и совѣтую молодымъ юристамъ не пренебрегать подобными вставками. Нашъ *юридическій* языкъ еще не установился, почти не существуетъ; для выраженія понятій изъ исторіи русскаго права, мы употребляемъ *обыденный*, *общественный* языкъ, который, при всей своей гибкости и красотѣ, не подрученъ для ученаго дѣла. Отъ недостатка *типическихъ* словъ, отъ разногласія въ пониманіи одного и того же разговорнаго языка, естественно, должна произойти неопредѣленность, сбивчивость въ понятіяхъ, такъ что и привычному къ анализу ихъ иногда невозможно узнать, что̀ такое пишется въ ученой книгѣ.... За *латинскимъ* языкомъ *юридическимъ* признано всѣми *главенство*; въ его типическихъ формахъ юридическая *идея*, какъ будто превращается въ осязательное *тѣло*; а исторія новыхъ правъ возвеличила еще болѣе

общинахъ, въ судѣ и управленіи, во всемъ политическомъ организмѣ, жило и дѣйствовало одно начало — *господство* (dominium). И такъ мы нигдѣ не увидимъ того величественнаго, свѣтлаго типа, который освящаетъ нравственное человѣческое бытіе, и именуется другимъ утѣшительнымъ словомъ — *владычество* (imperium) ; а безъ него страшно заглянуть въ исторію человѣчества. Наше отечество до XVII, или вѣрнѣе, до половины XVIII вѣка, на знало свѣта божьяго, жило *во тьмѣ и сѣни смертной*, закабалено, — неизвѣстно, кѣмъ и на какомъ основаніи, — въ какую-то неволю, осуждено на тяжелую, поденную маятность. Это не человѣчество съ своимъ божественнымъ, свободнымъ ликомъ, а *оброчная статья*, *богатое угодье*, которымъ пользуются и наслаждаются до пресыщенія наши *званые гости*, *норманскіе князья*. И надобно отдать имъ полную справедливость, что они хозяйничали у насъ на славу, выше, античнѣе по стилю, нежели ихъ земляки на западѣ. Безпредѣльную и необмежеванную русскую землю они привели въ подробнѣйшую извѣстность, измѣрили всю ея цѣнность, опредѣлили всѣ ея плоды, вычислили всѣ доходы; словомъ, проникли своею личностію весь вещественный міръ, и наложили на него *тягло* разнообразнѣйшаго состава. Но это — ничтожная сторона норманскаго господства надъ нами : видно, такъ уже опредѣлено самимъ Создателемъ, чтобы земля была въ вѣчной неволѣ у человѣка. Но они распорядились такимъ же образомъ , по той же *сошной системѣ*, и другимъ высшимъ, нравственнымъ мі-

---

ученое достоинство латинскаго языка, сдѣлавши съ него переводы на національный языкъ. Вотъ первое основаніе для вноса латинской технической терминологіи въ рускую юриспруденцію, разумѣется, въ формѣ очерченія, *отмежеванія* отъ латинскаго міра. Это свѣтлые *маяки* наши въ область темную, не просвѣтленную еще лучемъ истинной науки. *Второе* основаніе то, что въ типическихъ словахъ есть какая-то чудодѣйственная сила; стоитъ только произнести , или взглянуть на нихъ , чтобы понять свое заблужденіе, и узнать, какъ далеко ушелъ ночный труженикъ отъ настоящаго истиннаго типа. По крайней мѣрѣ, я это собственнымъ опытомъ испыталъ. Имѣя типъ и загрудняясь въ анализѣ историческихъ явленій, въ области русскаго права, можно учинить справку, заглянуть въ лучшій учебникъ по *римскому* праву, и приложить его къ своему образу пониманія. Тогда откроется ясно, приближается ли личное воззрѣніе къ общей истинѣ, или слишкомъ далеко отошло отъ нея, и граничитъ почти съ чепухой.... Я увѣренъ, что г. Чичеринъ избѣжалъ бы многихъ ошибокъ , если бы яснѣе и покрупнѣе отпечаталъ при русскомъ *вотчинномъ правѣ* — *Ex jure dominii privati.* О! въ этомъ словѣ сокрыта непостижимая сила!...

ромъ, *русскимъ человѣкомъ*, который вездѣ состоитъ на другомъ *положеніи*. Верховную власть, съ тремя ея отраслями, *законодательною, судебною и правительственною*, они превратили въ *частную, личную собственность*, подвергли ее такому же вещественному хозяйству, какъ землю, раздробили ее на безконечно-мелкія дроби, и этими дробями, поддерживающими *удѣлы*, распоряжались, при жизни и на случай смерти, всѣми свободнѣйшими гражданскими способами, т. е. продавали, закладывали, мѣняли, дарили, отказывали на поминъ души, отнимали у другихъ силой, и нерѣдко бросали. По великодушію своему — *рыцарскому*, занесенному къ намъ изъ нѣмецкой земли, и по несмѣтному количеству *оброчныхъ статей*, они своимъ вѣрнымъ дружинникамъ стали раздавать изъ верховной власти множество правъ въ *вѣчное* и *потомственное владѣніе*, ни мало не оскудѣвая сами отъ такихъ щедротъ; а *дружинники*, тѣмъ же чувствомъ движимые, передавали ихъ своимъ *холопамъ*. Славное хозяйство!

Такъ продолжалось долго, очень долго, во весь *періодъ удѣльный*. Наконецъ князья, наши вотчинники, утомились этимъ, истинно чудовищнымъ хозяйствомъ, перессорились между собой, перерѣзались, и все ради эгоистическихъ, матеріальныхъ разсчетовъ, рѣдко по какому-то оскорбленію *стольной чести*. Въ этомъ состояніи утомленія, пресыщенія боярскаго, задумали они новую думу — превратить *господство* во *владычество*, изъ частныхъ владѣльцевъ-*вотчинниковъ* сдѣлаться *русскими государями*, снять со всей земли и изнуренныхъ ея жителей кабалу и маятность, и вмѣсто прежней *барщинной* системы выстроить на землѣ русской новое красивое зданіе, возведенное въ титулъ *государства*. Эту достойную человѣческаго существа думу думали не всѣ русскіе князья сообща, какъ бы надлежало имъ сдѣлать по родству и товариществу, но одни *московскіе* князья — удѣльные, бѣдные, скупые, однимъ словомъ *собиратели*. Долго ли, коротко ли думали они объ этомъ, мало намъ извѣстно; только созрѣвшая мысль разомъ перешла въ дѣло. Началась работа новая — *разрушительная* и *созидательная*, въ одно и тоже время. И вотъ, едва вѣришь глазамъ своимъ, вдругъ устроилось *московское государство*, плодъ хозяйственной и разсчетливой догадки нѣкоторыхъ князей; и съ той поры до сего времени мы, *Русскіе*, имѣемъ счастіе жить въ нашемъ любезнѣйшемъ отечествѣ *на новомъ положеніи и окладѣ*. Эту основную

мысль г. Чичеринъ развиваетъ во всѣхъ своихъ литературныхъ сочиненіяхъ, съ необыкновенною послѣдовательностію, единствомъ логическимъ и нѣкоторымъ ожесточеніемъ въ стилѣ; это его убѣжденіе, перешедшее въ роковую вѣру. Я не стану отпечатывать подлинными словами всѣхъ мѣстъ, гдѣ эта мысль высказывается: она проникаетъ всю конструкцію историческаго его созерцанія. Но, по принятымъ правиламъ критики, надобно же выставить *автентическія* положенія автора: иначе наша борьба не будетъ имѣть тѣлесной осязательности. И такъ, на пробу, на выдержку, беру слѣдующія положенія, возведенныя, путемъ историческаго анализа, въ *аподиктическую* истину:

1. Князья, волею и неволею (?) покоривши славянскія племена, остались къ нимъ въ отношеніяхъ начальниковъ дружины къ жителямъ завоеванныхъ земель; въ послѣдствіи времени они сдѣлались осѣдлыми въ своихъ областяхъ: изъ начальниковъ дружины они превратились въ вотчинниковъ, но характеръ управленія остался тотъ же (1).

2. Въ удѣльный періодъ города и области дѣлились между князьями и переходили изъ рукъ въ руки, какъ частная собственность (2).

3. Въ вотчинной Руси судъ имѣлъ характеръ не общественной должности, а частной собственности; какъ частная собственность, онъ дѣлился между князьями, дробился на участки, на года; онъ передавался другимъ — кормленщикамъ — по частному же праву; отчуждался въ частныя руки жалованными грамотами; а иногда отдавался на откупъ (3) *(??)*.

4. Право суда надъ подчиненнымъ лицомъ принадлежало судьѣ, какъ частная собственность, которой онъ не могъ быть лишенъ (4) *(???)*.

5. Самое управленіе имѣло совершенно видъ владѣнія на частномъ правѣ: кормленщикъ управлялъ не на князя, а на

(1) Областныя учрежденія, стр. 2.
(2) Тамъ же, стр. 5.
(3) — — стр. 19.
(4) — — стр. 17.

себя; какъ частною собственностію кормленщикъ управлялъ кормленіемъ, посредствомъ людей своихъ и холоповъ (1) (*????*)

6. Самыя преступленія имѣли значеніе не общественное, а частное; они были доходныя дѣйствія, изъ которыхъ судья извлекалъ прибытокъ; на преслѣдованіе которыхъ онъ имѣлъ исключительную привиллегію, составлявшую одну изъ самыхъ выгодныхъ статей кормленія (2). Или, въ другой, болѣе рѣзкой формѣ таже мысль: *Очевидно, во всѣхъ судебныхъ случаяхъ имѣлось въ виду не столько преступленіе, сколько доходное дѣйствіе, котораго общественное значеніе скрывалось за частнымъ; извѣстнаго рода преступленіе составляло какъ бы собственность судьи* (3) (*?????*).

7. Наконецъ, на тотъ же частный характеръ указываютъ привиллегіи, освободившія нѣкоторыя лица отъ подсудности областнымъ судьямъ: частныя изъятія противны общественному порядку, и существуютъ только въ такихъ формахъ общества, гдѣ господствуетъ частное право (4) (*??????*).

Достаточно для нашей цѣли и этихъ выписокъ, тѣмъ болѣе, что я, не имѣя ученаго кліента, какъ бывало у Римлянъ, долженъ самъ лично, и выбирать, и переписывать эти мѣста. На нѣкоторыхъ положеніяхъ я выставилъ знаки удивленія, увеличивая ихъ, по мѣрѣ возрастанія во мнѣ моего собственнаго удивленія, при встрѣчѣ съ такими формами юридическаго пониманія.

Приступая къ литературной операціи надъ русскимъ государственнымъ организмомъ, я долженъ раздѣлить ее на *два акта*, на два пріема: одинъ пріемъ — отвлеченно *сціентифическій*, другой — *русскій*. Такимъ образомъ, сперва изложимъ мы *понятіе о правѣ господства и владычества*, по началамъ науки; потомъ, съ этимъ свѣтильникомъ въ рукахъ, вступимъ на русскую землю, сдѣлаемъ *приложеніе ихъ къ русской исторіи*, къ *тѣмъ юридическимъ учрежденіямъ*, которыя подлежали разсмотрѣнію г. Чичерина. Какое изъ двухъ началъ подойдетъ къ нимъ, то и надобно признать

---

(1) Областныя учрежденія, стр. 20.
(2) Тамъ же, — —
(3) — — стр. 11.
(4) — — стр. 21.

несомнѣнною истиною. *Первый актъ* есть самый главный, основный, и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно трудный для анализа: въ немъ опредѣляется *физіологія юридическихъ явленій*, общая всему человѣчеству — возведенная наукою въ свѣтлый образъ. Здѣсь должна быть сосредоточена вся сила мышленія; изслѣдователь судебъ русскаго народа — напередъ, еще не заглядывая въ памятники, долженъ вдуматься въ эту физіологію, проникнуть ее своею мыслію всецѣло, внести ее въ свою душу, какъ свѣтлый лучь, — и тогда, съ божіимъ благословеніемъ, можетъ приступать къ чтенію *грамоты* нашего отечества. Г. Чичеринъ не подумалъ о великомъ значеніи этого акта, не справился даже съ общими очертаніями двухъ различныхъ институтовъ — по *нѣмецкимъ учебникамъ* — и, гонимый какою-то *темною* силою, ринулся на русское государство, подобно тому римскому жрецу, о которомъ я упомянулъ въ первой статьѣ, и совершилъ святотатственное закланіе. Счастіе наше, что этотъ дерзновенный ножъ прошелъ по тѣни русскаго человѣка; но намъ — и тѣнь предковъ дорога; а потому естественно, что мы чувствуемъ какъ будто нѣкоторую обиду, нанесенную непосредственно нашей живой личности. Я готовъ былъ бы на нѣкоторое замиреніе съ г. авторомъ, если бы актъ діалектическаго мышленія, тяжелаго для народнаго чувства, имѣлъ у него величавую, замѣчательную въ пріемѣ, конструкцію, напр. *гегеліанскую*. Правда, прискорбно видѣть славянскіе народы исключенными изъ міроваго значенія; но по *тройственной системѣ*, въ самомъ дѣлѣ, намъ нѣтъ тамъ мѣста; а примкнуть, пріютиться къ *германскому* міру, мы сами не желаемъ. И такъ останемся *особнякомъ*, до будущаго — философскаго дѣлежа судебъ человѣческихъ; авось и о насъ вспомнятъ!... Но *юридическія понятія* нашего молодаго писателя довольно слабы, шатки, сбивчивы и отрицательны. Есть даже *противорѣчія*, такъ что, часто противъ его намѣренія, выпадаетъ прекрасная оброчная статья на долю старой Руси; пріемы, иногда такіе, которые не одобряются наукою; но на меня подѣйствовала, болѣе всего, форма — *абсолютнаго, вѣчнаго, диктаторскаго разума*, изрекающаго судьбы нашего отечества. Ставя знаки удивленія надъ нѣкоторыми его положеніями, я желалъ обратить вниманіе читателя на эту сторону.

Не имѣя настоящихъ пріемовъ, получаемыхъ чрезъ глубокое изученіе юридической науки, съ запасомъ болѣе однихъ формулъ, нерѣдко взятыхъ у *Гегеля*, онъ переворачиваетъ всю русскую

исторію на-изнанку, и хочетъ сдѣлать изъ нея какое-то чудовище. Но, господа, не надо забывать, что мы живемъ на русской землѣ, дышемъ русскимъ воздухомъ; все, что составляетъ наше религіозное, нравственное, политическое, гражданское и даже матеріальное достояніе, все это мы получили даромъ, по милости божіей, по органическому сочлененію съ русскимъ народомъ. Понимаете ли всю силу этого неотразимаго возраженія?... Но я хочу дать другое, болѣе справедливое, и естественное толкованіе новому литературному строю: это — *игривое дѣтство* русскаго ума, почуявшаго мощность свою, и не сдвигающагося въ общепринятые уставы мышленія, своеобразнаго и отлетнаго ума, какъ самъ народъ. И въ самомъ дѣлѣ, у насъ въ литературномъ мірѣ, по временамъ, раскидываются небольшіе *таборы*, — не въ такомъ чудовищномъ составѣ, въ какомъ угодно было г. Чичерину представить всю старую Русь, — но все таки таборы; впереди красуются удалые вожатые, ловкіе, бойкіе, въ полномъ разгарѣ силъ молодецкихъ, какъ и слѣдуетъ быть при таборѣ, но не храбрые: ибо при первомъ обличеніи предъ судомъ науки, они поблѣднѣютъ, раскаются и бросятъ свой таборъ..., И такъ пусть они погуляютъ вдоволь, лишь бы не притягивали въ свой таборъ и других молодыхъ юношей, которые еще не имѣютъ права на такой разгулъ. Быстро промчится пора молодости, и дѣтскія игрушки смѣнятся другими, серьёзными работами, на пользу и славу Россіи. Вотъ на какой мысли я успокоиваюсь!

А.

Ученіе о правѣ господства и владычества, по началамъ науки.

Начинаемъ съ *языка*, словесной мысли; это лучшій, вѣрнѣйшій проводникъ къ юридическому пониманію институтовъ. *Идея господства* отразилась у Римлянъ, въ образовательномъ и преемственномъ ходѣ языка, въ слѣдующихъ словахъ: *hoc meum est ex jure Quiritium*; потомъ — *auctoritas, mancipium* — здѣсь оболочка мысли взята изъ актоваго и процессуальнаго состоянія; далѣе — *in bonis* — *преторское* созерцаніе новой, частной собственности; наконецъ вылилась типическая, окончательная форма — *proprietas* (pro privo), *dominium*. У другихъ новыхъ народовъ — формы несамобытныя, а переводныя: *propriété, Eigenthum*; у насъ *собственность* — отъ

особь, *о себѣ*, *особо*, *особа* [1], по историческому процессу отдѣленія человѣческаго, индивидуальнаго существа отъ первоначальныхъ союзовъ, *родовыхъ*, или *общинныхъ* — для меня все равно.

Идея владычества воспринимаетъ другую форму, другой тѣлесный полетъ: у *Римлянъ* она выражается въ словѣ: *imperium* (просто: ибо нѣтъ *imperium majus et minus*), *majestas*, *potestas*; а со стороны личнаго обладателя разсматриваемая — она является какъ *honor*, *dignitas*, и потомъ — въ различныхъ наименованіяхъ верховныхъ сановниковъ (консульская, ценсорская, преторская, трибунская верховная власть и т. д.). У новыхъ народовъ, опять переводныя формы: *majesté*, *Hoheit*; у насъ — *величество*, *верховная власть*. Я увѣренъ, что читатель, знакомый съ языкомъ, по однимъ этимъ словеснымъ типамъ догадывается, что токъ моихъ юридическихъ мыслей польется двумя раздѣльными и противоположными діаметрально каналами. Въ техническомъ *словѣ*, особенно *латинскомъ* — сокрыта великая тайна разумѣнія!

Владычество и *господство* (*imperium* — *dominium*) суть двѣ юридическія формы, въ которыхъ сосредоточена всякая человѣческая власть; степени ихъ могутъ быть какъ будто различны, а существо одно и тоже. Это двѣ физіологическія *силы*, управляющія двумя мірами — нравственнымъ и физическимъ, *человѣческимъ* и *матеріальнымъ*. *Первая* сила, подобно *центробѣжной* въ физикѣ, непрерывно стремится вверхъ, въ горнюю область, къ своему свѣтлѣйшему, божественному *прототипу*; *вторая* сила, подобно центростремительной, идетъ все внизъ, тяготѣетъ къ землѣ, — къ своему родному типу. Обѣ силы сосредоточены въ человѣкѣ, и въ первой порѣ своего историческаго движенія во внѣ, одна на другую походятъ, иногда не распознаются и самимъ владѣльцемъ; но это видимый обманъ: онѣ между собой враждебны, одна другую исключаютъ, и мира между ними быть не можетъ, какъ нѣтъ мира и родства между человѣкомъ властителемъ и подвластною природою. Та и другая сила состоитъ въ *процессѣ*, и подвергается

---

(1) Вотъ наша *личность*, *особа*; а *Римляне* другимъ пріемомъ выразили эту идею: *персона* (persona) отъ sonus — sono — *звукъ*, *глаголъ*, *слово*: кто можетъ издавать звуки, говорить въ римскомъ обществѣ такъ, что его надобно слушать и уважать, тотъ называется *персоною*. И такъ, какое множество было у нихъ нѣмыхъ и косноязычныхъ! Видно, надобно было говорить особеннымъ языкомъ.

внѣшнимъ измѣненіямъ, обновленіямъ въ формѣ; *первая* по происхожденію *небесная*, а по пребыванію и дѣйствію *земная*, постепенно освобождается отъ своихъ вещественныхъ наростовъ, борется, въ своемъ высшемъ стремленіи, съ разнообразнѣйшими земными препятствіями, очищается въ *горнилѣ искушенія*, высвѣтляется и наконецъ доходитъ до своего чистаго образа, въ которомъ уже нѣтъ ничего матеріальнаго, вѣсомаго, цѣннаго; и *вторая сила* совершаетъ такъ же своего рода путешествіе, но по другому направленію, въ другой конецъ: въ первомъ историческомъ возрастѣ — она обростаетъ слоями, ей чуждыми — религіознымъ, нравственнымъ, политическимъ, человѣческимъ, — вообще мягкимъ слоемъ; потомъ освобождается отъ своихъ неестественныхъ наростовъ, сдерживающихъ ея движеніе, борется на смерть съ различными препятствіями, наконецъ выливается въ свой чистый, юридическій типъ частной *собственности*. Первая сила — владычество, управляетъ человѣческимъ обществомъ по закону нравственной свободы: личность гражданская, съ своими правами и обязанностями, легко уживается съ *нею*, и даже состоитъ въ тѣснѣйшемъ родственномъ союзѣ; вторая сила — господство, управляетъ вещественнымъ міромъ, по ужасному закону *несвободы*, порабощенія; одна матерія проникается ею всецѣло, которая, для удобства, разлагается на части и дроби; здѣсь нѣтъ и тѣни человѣческой свободы: бѣда, если, по несчастію, попадется человѣкъ подъ эту *машинную* силу: она его сотрётъ, какъ прахъ, уничтожитъ все его существо, и свѣтлый, божественный ликъ его превратитъ въ несвободную матерію.

Такъ, въ языческомъ мірѣ, попался было подъ эту *роковую* силу человѣкъ, превращенный *въ раба*, и грознымъ манифестомъ высочайшаго, но античнаго разума, торжественно объявленъ *вещію*: *Servi sunt res*. Обѣ силы равно первозданныя, одного божественнаго происхожденія, и въ одномъ и томъ же органѣ — человѣкѣ проявляемыя; но одна изъ нихъ *духовная*, а другая *тѣлесная*. Какъ между духомъ и тѣломъ происходитъ непрерывная борьба: точно тоже повторяется между владычествомъ и господствомъ. Онѣ не сливаются въ одну субстанцію, одна другою не замѣняются, существуютъ какъ бы отдѣльно и индивидуально, какъ душа и тѣло. Сопутствуя человѣческой исторіи во всѣхъ ея возрастахъ, онѣ вступаютъ въ борьбу кровную, какъ тѣло воюетъ противъ духа, одна надъ другой одерживая временный перевѣсъ, но не уничтожаясь въ

своей особности. Перевѣсъ этотъ означаетъ только условное, историческое количество тяжести, привходящее къ нимъ отъ различныхъ причинъ, и притомъ не всегда въ одинаковомъ порядкѣ выражается: иногда какъ будто прежде выражается *владычество*, подчинивъ себѣ *господство*, иногда на оборотъ. Но, по обыкновеному, естественному ходу, обѣ силы скоро размежевываются, и идутъ по двумъ противоположнымъ линіямъ — одна по *восходящей*—къ Богу, другая по *нисходящей* — къ землѣ, вещественному міру. Ни въ юридическомъ мышленіи, ни въ исторіи человѣчества, нельзя себѣ представить ни одного момента, гдѣ бы одной изъ силъ вовсе не было, а все управленіе человѣческое исходило отъ одного закона, и имѣло одинъ видъ, одно юридическое состояніе; точно тоже бываетъ съ человѣкомъ: нѣтъ момента, гдѣ бы онъ превратился въ простое тѣло, или чистый духъ. Такимъ образомъ, едва ли можно, по закону мышленія, утверждать, что *россійское* человѣчество, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, управлялось на началѣ частной собственности, проникалось во всемъ своемъ существѣ одною исключительною и неограниченною *силою господства*. Можно сойти съ ума отъ одного умственнаго представленія такого несчастнѣйшаго состоянія человѣческаго общества! Но я не могу ограничиться однимъ общимъ, отвлеченнымъ созерцаніемъ двухъ юридическихъ институтовъ: необходимо приступить къ подробному ихъ анализу, и опредѣлить *внутренніе* и *внѣшніе* признаки, по которымъ бы можно было различить ихъ въ исторіи человѣчества: ибо отъ неясности разграничительныхъ линій происходитъ величайшая сбивчивость въ понятіяхъ, и та странная форма пониманія, которую мы видимъ въ сочиненіи г. Чичерина. Я имѣю здѣсь въ виду преимущественно молодое поколѣніе *юристовъ*, и постараюсь дать имъ въ руководство видимаго, вѣрнаго проводника. И такъ, не надолго, я долженъ оставить моего почтеннѣйшаго читателя, если только онъ не знакомъ съ юридическими пріемами науки.

I. *И такъ — подвергается анализу типъ господства, частной собственности, преломляемый на части, на моменты.*

1. *Опредѣленіе собственности* (definitio). Опредѣлить, или обмежевать право собственности не возможно: ибо оно представляетъ полноту безпредѣльную, въ которой заключается юридическая возможность всѣхъ дѣйствій, всѣхъ пріемовъ и формъ, какія только

человѣкъ можетъ придумать въ умѣ своемъ, и какія вещь можетъ воспринять, по различному своему свойству. Правда, есть и здѣсь предѣлы, но они заключаются или въ ограниченности силъ человѣческихъ, или въ упругости матеріи; но и эти предѣлы не слишкомъ явственны. Кто въ состояніи указать намъ линію, далѣе которой уже не можетъ простираться человѣческое могущество? Новѣйшее время доказало убѣдительнѣйшимъ образомъ, что духъ человѣческій способенъ открывать новыя стороны въ обладаніи и пользованіи вещественною природою, вовсе неизвѣстныя старому времени; слѣдовательно процессъ освоенія, въ своихъ ваятельныхъ формахъ, не конченъ, а, по видимому, вступаетъ только въ новую эпоху. *Прежняя юриспруденція*, прикрѣпленная къ фактическимъ явленіямъ, не постигая типа, старалась опредѣлить существо собственности, изчисляя всѣ ея стороны, всѣ части, изъ которыхъ слагается право; она хотѣла исчерпать весь ея объемъ и содержаніе (1). Труженическій, не художественный пріемъ! *Новая юриспруденція*, убѣжденная прежними опытами въ несостоятельности аналитическаго метода, оставила тщетный, безполезный трудъ дѣленія на части и виды, и остановилась на однихъ существенныхъ, *физіологическихъ* элементахъ человѣческаго дѣйствія, на *положительной* и *отрицательной* его *сторонѣ*. Такимъ образомъ, въ духѣ новой науки, *собственность есть юридическое — неограниченное и исключительное — владычество надъ подвластною природою* (2). Не ужели такое очертаніе можно назвать опредѣленіемъ? Но лучшаго пріема до сихъ поръ не сдѣлано.

2. *Происхожденіе и очеркъ историческаго развитія*. Творецъ небесный, выводя на землю сотвореннаго имъ *по образу и по подобію* Своему человѣка, въ лицѣ прародителей нашихъ, указалъ имъ на весь земный міръ, какъ на подвластный, и передалъ имъ божественное свое право въ знаменательномъ словѣ: *Господствуйте* и *обладайте* (3). Вотъ первое, *откровенное* происхожденіе власти человѣческой на землѣ! Человѣкъ, сдѣлавшись

---

(1) См. всѣ старые *учебники* по римскому праву; въ этомъ же духѣ составлено опредѣленіе *собственности* въ Сводѣ Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ, т. X. II, гл. 1.

(2) *Савиньи* и *Пухта* такъ опредѣляютъ: *Eigenthum ist eine unbeschränkte und ausschliessliche — rechtliche Herrschaft*. (System I § 56. *Puchta—Cursus* II § 231).

(3) *Бытія*, гл. 1.

хозяиномъ природы, по *благодати,* повелѣлъ предстать ей предъ свой владычный ликъ, со всѣми ея членами, нарекъ имена каждой вещи, каждому животному, и тѣмъ опредѣлилъ имъ земную службу, назначеніе, цѣль бытія. Вотъ первая форма человѣческаго *господства!*

Утративши грѣхопаденіемъ образъ божій, и тѣмъ самымъ давши природѣ поводъ къ неповиновенію своему новому господину, человѣкъ сохранилъ однако же чувство первоначальной власти, и, управляемый естественнымъ инстинктомъ, постоянно стремится къ освоенію окружающаго его міра, къ возстановленію нарушеннаго отношенія; въ слѣпомъ, дерзновенномъ влеченіи, онъ иногда причисляетъ къ вещественному міру и своего собрата — человѣка, и надъ нимъ желаетъ показать такую же власть. Двигатель всего человѣческаго существа, сообщающій ему и силы и средства къ преодолѣнію препятствій, встрѣчающихся на пути завладѣній, есть *личный духъ*, непрестанно тяготѣющій къ природѣ, и стремящійся перелиться въ тѣлесныя формы (1).

Какъ сила невещественная, онъ разлитъ по всему человѣчеству; у всѣхъ народовъ находится, какъ *физіологическій* законъ; но формы и степени въ исторіи принимаетъ различныя, по различію мѣстныхъ и временныхъ условій. Не нужно высокаго образованія, значительной степени гражданскаго общежитія, чтобы имѣть сознаніе о собственности: человѣкъ, безъ разсудочной рефлексіи, ясно и вѣрно, называетъ одну вещь своею, а другую чужою, на зная, часто имени, свойства, цѣны, назначенія освоеннаго имъ предмета; и эту прирожденную ему правду готовъ защищать всѣми средствами, законными и незаконными; впрочемъ природа и не знаетъ о существованіи положительныхъ законовъ (2). Народы освоиваютъ міръ вещественный различнымъ образомъ; каждый по своему пріему совершаетъ актъ завладѣнія: одинъ народъ глубже, тѣснѣе, соединяется съ одною системою вещей, другой на нее не обращаетъ почти никакого вниманія, и признаетъ цѣнности въ другомъ разрядѣ. Въ одномъ народѣ — политическая его личность отражается и на природѣ: эта живая, народная единица, разбитая на классы, сословія, общины, прорѣзываетъ и міръ земельный, на которомъ обитаетъ, тѣмъ же

(1) Римляне назвали его: *animus sibi habendi, animus dominii.*

(2) Vim vi defendere omnes leges omniaque jura permittunt. 1. 1. § 27. Dig. de vi (XLIII, 16). Adversus periculum *naturalis ratio* permittit se defendere. l 45. § 4. Dig. ad legem Aquiliam (IX, 2.).

условнымъ рѣзцомъ, и выработываетъ изъ него отдѣльные, типическіе слои: такая форма юридическихъ владѣній видна у *германскихъ* и *славянскихъ* народовъ. Напротивъ, у нѣкоторыхъ народовъ, на весь міръ наложенъ одинъ безличный типъ: все сравнено, и подведено подъ одинъ юридическій знаменатель — нѣтъ различія между движимыми и недвижимыми вещами, между родовымъ и благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, и т. д.; ибо нѣтъ никакого различія между обладателями: всѣ суть граждане — равные члены своего государства: такой типъ вещественнаго господства былъ у Римлянъ. Что совершается массою народною, то повторяется отдѣльными лицами, но въ безконечно разнообразнѣйшихъ формахъ. И несвободная природа состоитъ въ *прогрессѣ:* предметы первыхъ, общихъ всѣмъ потребностей — *пища, одежда, жилище* — подлежатъ свободному развитію, имѣютъ свою исторію и *современность.* Не одинъ произволъ человѣческій управляетъ вкусомъ, а есть въ этомъ своя физіологія. Вотъ, въ какой органической связи состоитъ природа съ духомъ своего личнаго владыки! Вотъ въ какой неволѣ, маятности, она находится! Но таково ея божественное назначеніе — безпрекословная служба и повиновеніе человѣку.

3. *Предметъ собственности.* Одна несвободная природа, и притомъ, какъ опредѣленная, ограниченная матерія, называемая *тѣломъ, вещью* (corpus, res), можетъ подлежать всецѣлому порабощенію. По различному отношенію къ владѣльцу, а не по юридическому своему свойству, которое одинаково въ собственности, однѣ вещи, — а ихъ въ образованномъ обществѣ не слишкомъ много, — изъяты изъ гражданскаго, частнаго оборота, а другія состоятъ въ оборотѣ, имѣя мѣновую цѣнность (res extra commercium et in commercio). *Первый* разрядъ вещей принадлежитъ *религіи*, по различному ея признанію и устройству въ народѣ, *государству*, *обществамъ*, однимъ словомъ, *юридическому*, какъ бы *безличному лицу;* при такомъ хозяинѣ, который есть одно разсудочное отвлеченіе, а не живый человѣкъ, эти вещи пользуются нѣкоторою естественною свободою; не глубоко, не во всемъ существѣ и составѣ, проникаются духомъ обладателя, и не воспринимаютъ въ себя всей индивидуальной личности. Въ обладателѣ всегда замѣтна какая-то лѣность, вялость въ властительскихъ движеніяхъ. Но за то вещи, состоящія въ гражданскомъ, частномъ оборотѣ, испытываютъ на себѣ всю силу и могущество нашей личности.

Человѣку невозможно вынести на себѣ ужаснаго, грознаго господства, безъ потери и уничтоженія всего своего личнаго и человѣческаго существа. Такимъ образомъ, во имя человѣческой природы и правъ ея божественныхъ, вещественнаго порабощенія человѣка на правѣ частной собственности нигдѣ и никогда во всемірной исторіи не бывало. *Древній рабъ*, умаленный въ своемъ высокомъ образѣ древнимъ узкимъ умомъ, причисленъ былъ къ оборотнымъ цѣнностямъ, *къ вещамъ манципаціоннымъ* (res mancipi); но такое признаніе его, по благости божіей, было только юридическою *рефлексіею*, къ которой такъ склоненъ былъ античный разсудокъ; а на самомъ дѣлѣ, рабъ былъ *человѣкъ*, и имѣлъ въ извѣстной степени права *естественныя* и *положительныя*. Не всѣ стороны этой живой и говорящей вещи поражены были началомъ господства; напротивъ лучшая, и довольно многосложная, часть житейскихъ отношеній управлялась другими началами — *семейственнымъ*, *религіознымъ*, *нравственнымъ* и *общечеловѣческимъ*. Самый титулъ этого начала — другой, для вещи неприличный. Отношеніе господина къ рабу не названо оскорбительнымъ именемъ — *dominium*, но властительствомъ — *potestas dominica*; а этотъ типъ означалъ всегда присутствіе личныхъ, свѣтлыхъ, невещественныхъ элементовъ; *рабство* и въ римскихъ системахъ, и въ новыхъ, излагается не въ ученіи о частной собственности, но въ особенной — мягкой и свободной системѣ *семейственныхъ правъ*. Г. Чичерину эта азбука римскаго права должна быть извѣстна.....

Но, кромѣ вещественной природы, свободный человѣкъ подчиняется другому человѣку также по *гражданскому* началу господства, и состоитъ у него на службѣ, въ работѣ: такой частный союзъ называется *обязательствомъ* (obligatio). Изъ двухъ лицъ, равныхъ и независимыхъ, установляется юридическое отношеніе, гдѣ это равенство уничтожается, и одинъ къ другому стоитъ, какъ *вѣритель къ должнику*. Предметомъ этого права бываютъ опредѣленныя, мѣновыя, имущественныя, человѣческія дѣйствія, у Римлянъ названныя *вещами безтѣлесными* (res incorporales). Въ *гражданскомъ* быту — онѣ имѣютъ тѣже свойства, условія и формы движенія, какъ настоящія тѣлесныя вещи; а потому въ наукѣ и называется это отношеніе *идеальною собственностью* (dominium ideale). За исключеніемъ условленнаго дѣйствія, составляющаго содержаніе обязательствъ, должникъ свободенъ и неподчиненъ вѣрителю.

Вотъ всѣ предметы, на которыхъ выражается частная собственность! По крайней мѣрѣ, до настоящей минуты, въ которую пишу я эти строки, ничего не было слышно въ наукѣ о другихъ предметахъ порабощенія, на правѣ частной собственности.

4. *Юридическое существо.* Формы гражданскаго господства чрезвычайно разнообразны: человѣкъ ставитъ себя въ отношеніе къ природѣ — прямое и косвенное, непосредственное и посредственное, физическое и чисто-юридическое; онъ можетъ выражать надъ нею и полное,—неограниченное свое право, и частное—опредѣленное, касаясь только нѣкоторыхъ сторонъ вещи; онъ можетъ дѣйствовать на свой *собственный* міръ и своимъ лицомъ, и чрезъ представителей, какъ бы чиновниковъ его гражданскаго самодержавія. Онъ можетъ предпринимать всѣ акты, всѣ движенія свободныя, какія угодны его властительству; при жизни и на случай смерти распоряжается своимъ достояніемъ всѣми способами, неограниченно. Если наскучитъ ему такая автократія, онъ можетъ выдти изъ всѣхъ прямыхъ отношеній къ вещи, оставивъ за собою, на всякой случай, одно пустое понятіе собственника (nudum jus), а потомъ, когда вздумается, воззвать къ своей господской личности всѣ разбросанныя и другимъ уступленныя части своего верховнаго права. Сфера нашихъ имущественныхъ обладаній вся проникается нашею личностію; вещь одухотворяется; а человѣкъ овеществляется. Кто привыкъ по явленіямъ міра физическаго наблюдать надъ процессомъ духа человѣческаго, проходящаго сквозь матерію: тому откроется весь невидимый, внутренній міръ человѣка, и притомъ въ непрерывномъ, живомъ движеніи; ибо въ матеріи, какъ въ сосудѣ, отливаются всѣ формы духа, соотвѣтствующія различнымъ его состояніямъ въ исторіи. Міръ вещественный есть какъ будто *откровеніе человѣческой личности,* разсматривая его съ гражданской юридической стороны.

Вмѣстѣ съ духомъ человѣческимъ — этимъ *perpetuum mobile* — и формы гражданскаго міра движутся, измѣняются, отражая въ данный моментъ физіономію личнаго владѣльца. Такимъ образомъ, вещь, переходя отъ одного хозяина къ другому, или даже состоя въ обладаніи одного лица, но подвергающагося быстрому духовному процессу, непрестанно измѣняетъ свое собственное лицо (и у вещей есть лицо — имя и фамилія), которымъ благословилъ ее Создатель при первомъ сотвореніи твари; какъ агнецъ *безгласенъ предъ стригущимъ* его, такъ вещь нѣмая стоитъ въ раболѣпствѣ предъ своимъ

владыкой, прислушиваясь къ его грозному голосу, и даже предугадывая его тайныя мысли; со стороны вещи требуется необыкновенная ловкость, гибкость и безмолвная покорность: ибо за малѣйшій проступокъ властелинъ обезобразитъ ея лицо, и разрушитъ ее въ самомъ существѣ. Природа, состоящая на правѣ собственности частной, отражаетъ на себѣ всѣ формы, всѣ произвольные пріемы, всю индивидуальную личность человѣка — *господина*.

Естественно, при такомъ цѣлостномъ порабощеніи, при такомъ оттискѣ различныхъ владѣльческихъ типовъ, вещь не можетъ устоять въ своей упругой, какъ бы отъ насъ нисколько независимой, натурѣ, дробится, измѣняется, умаляется, и наконецъ совсѣмъ изчезаетъ въ своемъ индивидуальномъ, личномъ бытіи: на обыкновенной взглядъ ея нѣтъ въ дѣйствительномъ мірѣ. И вотъ — предъ нашими глазами совершаются чудные, почти воображаемые, а между тѣмъ ежедневные *метаморфозы:* изъ опредѣленной — матеріальной субстанціи выростаютъ новыя вещи, а старыя изчезаютъ; выходятъ наружу новыя цѣнности, новыя названія; однимъ словомъ, область нашего вещественнаго достоянія, какою-то магическою силою, вдругъ наполняется новыми предметами. А старые куда дѣвались? Истлѣли, но только не въ физическомъ, а юридическомъ смыслѣ. Правда, въ мірѣ все тлѣнно, не вѣчно, кромѣ одного безсмертнаго нашего духа. Но здѣсь, *въ сферѣ собственности,* тлѣніе это совершается слишкомъ быстро, и какимъ-то страннымъ образомъ: вещь еще молода, сильна, тверда въ своемъ составѣ, а слѣдовательно очень, очень далека отъ естественнаго разрушенія; а между тѣмъ кѣмъ-то разложена въ своей субстанціи, потреблена, сьедена, и замѣнена чисто-искусственнымъ представителемъ мѣновыхъ цѣнностей — *деньгами* (1). И такъ вещь претерпѣваетъ дивныя видоизмѣненія; изъ тѣлеснаго, осязаемаго существа переходитъ въ чистое понятіе — *родъ* (genus); потомъ изъ области разсудочнаго бытія опять возвращается въ дѣйствительную, физическую жизнь: понятіе размѣнивается на тѣла (species). Видно, не одному человѣку хочется пожить индивидуально, то есть, въ *грѣшномъ тѣлѣ,* а и вещамъ! Не здѣсь ли надо поискать перваго, естественнаго мотива, въ силу котораго многіе, вѣроятно, по мягко-

(1) Для живаго и глубокаго, юридическаго пониманія этого оборотнаго двигателя, могу указать читателю на превосходнѣйшее изложеніе *Савиньи: Obligationen-Recht,* I B. § 40 — 49 · «*Geld*», Berlin, 1851.

сердію своему, не любятъ превращать живыя вещи въ отвлеченныя единицы, а скорѣе размѣниваютъ ихъ на массу отдѣльныхъ веществъ, и наслаждаются индивидуальною ихъ жизнію....

И такъ *собственникъ* дѣлаетъ чудеса съ предметами своей собственности. Неудивительно, если мы, знакомые съ физіономіею извѣстныхъ вещей, которую мы же и наложили на нихъ собственноручно, по истеченіи весьма незначительнаго времени, возвращаясь къ нимъ, по какому-то чувству любви, не узнаемъ ихъ совершенно, тщетно отыскиваемъ слѣды, которые оставлены нашимъ дѣтствомъ, и не находимъ ихъ; здѣсь былъ новый властелинъ, и его губительный духъ прошелъ сквозь сердце вещи, и убилъ ее.

Понятно теперь, почему человѣкъ такъ сильно любитъ это право, и почему государство покровительствуетъ этому чувству нашему, и охраняетъ всѣ частныя обладанія всѣми лучшими и подручными ему средствами. Безъ частной собственности — полной и свободной — нѣтъ полной человѣческой личности, нѣтъ гражданской свободы; безъ нея человѣкъ погружается въ какія-то темныя сферы, воплощается въ какіе-то крупные союзы, гдѣ не видится, не чувствуется его личное бытіе, гдѣ онъ живетъ, какъ органическій, несвободный наростъ, чужою, отвлеченною жизнію, не имѣя никакого своеобразнаго движенія (какъ res accessoria sequitur suam principalem rem). Безъ своей собственности, человѣкъ есть жалкой работникъ другаго господина, и никогда не можетъ возвыситься, даже въ мысли, до естественнаго, человѣческаго, Богомъ начертаннаго лика. Съ нею, напротивъ, онъ является такимъ *самодержцемъ*, которому нѣтъ другаго подобнаго въ государствахъ, и быть не можетъ: *Римляне* типически выразили идею гражданскаго величія въ словѣ: *автократія* и *автономія*, въ частномъ быту проявляемая.

Этотъ юридическій институтъ есть основа и вѣнецъ всѣхъ гражданскихъ правъ: ибо идея, проходящая чрезъ всю систему гражданскую, есть идея личнаго освоенія; а типъ оной лежитъ въ собственности. Отъ этаго свѣтлаго, величественнаго типа, какъ отъ центра радіусы, идутъ оттиски, копіи по всѣмъ направленіямъ, въ разнообразнѣйшихъ преломленіяхъ, и воспринимаютъ стройную, мѣрную, художественную оболочку. Въ *римскомъ правѣ* можно видѣть, самымъ нагляднымъ образомъ, весь историческій процессъ, въ которомъ обозначилось разрастаніе идеи собственности по всему гражданскому организму, и съ *матеріальной* стороны—или въ *догматическомъ*

покоѣ, и съ *формальной* — или въ состояніи гражданскаго движенія, и съ *литературной* — или въ *наукѣ.* У другихъ народовъ, напримѣръ, *германскихъ* и *славянскихъ*, этотъ процессъ не такъ пластично совершается, чему есть и были особыя историческія причины.

Таково юридическое существо, неизмѣнная *физіологія частной собственности! Внѣшнюю* ея форму я не стану теперь описывать: она излагается во всѣхъ кодексахъ, и составляетъ почти единственное ихъ содержаніе; то есть, въ нихъ говорится о *способахъ пріобрѣтенія, прекращенія* и *судебнаго ея охраненія* ([1]); а гораздо яснѣе и убѣдительнѣе довѣдома она каждому при совершеніи обыкновеннаго гражданскаго акта.

Мы не знаемъ всей убійственной силы этого гражданскаго права, потому что природа неодушевленная потеряла свой голосъ, а одушевленная тварь, закалаемая для удовлетворенія прихотливаго нашего вкуса, испускаетъ свои стенанія и мычанія вдалекѣ отъ ненасытнаго повелителя; есть организмы столь нѣжные, что при малѣйшемъ намекѣ на обрядъ закланія, чувствуютъ особенную боль въ сердцѣ, и одно самозабвеніе, и искусственное увѣреніе въ несправедливости сдѣланнаго намека, заставляетъ приступить ихъ по обыкновенію къ снѣди. Впрочемъ остается, существуетъ живое, разумное и словесное существо, которое можетъ отчасти объяснить намъ размѣръ собственности: это *несостоятельный, несчастнѣйшій должникъ.* Его отношеніе къ вѣрителю совсѣмъ не то, что подвластной вещи къ собственнику — отношеніе свободное, условное, взаимное, состоящее изъ одного незначительнаго дѣйствія — уплаты *долга;* если хотимъ приблизительно выразить право вѣрителя на должника, сравнительно съ правомъ господина на вещь, то оно будетъ походить на единицу, относящуюся къ неопредѣленнѣйшей величинѣ, напр. какъ 1 = 100, 1,000, 10,000 и т. д. Выражаясь не строгимъ языкомъ науки, нельзя назвать настоящимъ должникомъ того, кто занимаетъ у другаго, и готовъ уплатить по первому требованію заимодавца. Дѣйствительный, истинный долж-

---

(1) Totum autem jus consistit aut in acquirendo, aut in conservando, aut in minuendo: aut enim hoc agitur, quemadmodum quid cujusque fiat; aut quemadmodum quis rem vel jus suum conservet; aut quomodo alienet aut amittat. l. 41. Dig. de legibus (1, 3.).

никъ тотъ, кто, по крайней нуждѣ, гонимый первѣйшими жизненными потребностями, вымолилъ себѣ у собрата своего на срокъ извѣстную сумму, и, преслѣдуемый рокомъ, не можетъ ее внести своему кредитору. Вотъ лицо, на которое я могу указать съ вѣрностію каждому, желающему разгадать тайну господства! Я не въ состояніи обозначить этотъ міровой процессъ даже въ легкомъ очеркѣ: онъ возмущаетъ всю душу, а между тѣмъ признанъ у всѣхъ образованнѣйшихъ народовъ. Граждане, въ благочестивомъ движеніи сердца, желая отпраздновать достойнѣшимъ образомъ свѣтлые христіанскіе дни, выкупаютъ этихъ гражданскихъ добровольныхъ невольниковъ, и отпускаютъ ихъ на волю, какъ птицу изъ клѣтки. Но птица добровольно не возвращается къ своей вторичной неволѣ; надо ее вновь изловить; а человѣкъ и на это осужденъ: онъ самъ стремится къ вторичному плѣну.

И такъ, по милости небеснаго Создателя, одарившаго насъ нравственною свободою, и влившаго въ насъ чувство уваженія къ ея достоинству, ни въ древнемъ, ни въ новомъ мірѣ не состоялъ человѣкъ въ обладаніи другаго, какъ вещь, на правѣ частной собственности; а порабощеніе цѣлаго народа на такомъ же юридическомъ основаніи — и немыслимо. Взгляните на исторію римскихъ завоеваній, и вы не увидите даже тѣни подобной неволи; а Римъ любилъ власть, и умѣлъ ее, гдѣ слѣдуетъ, показать....

Догадываетесь ли вы теперь, почтеннѣйшій слѣдователь политической исторіи русскаго народа, какую пѣснь я затянулъ, на какой напѣвъ и чѣмъ я ее кончу?... Я сочинялъ ее, я и переписывалъ; слѣдовательно она мнѣ извѣстна.... Но мнѣ становится грустно. Я люблю ваше дарованіе—вотъ источникъ моей критической работы надъ вашимъ трудомъ. Столько задатковъ, надеждъ, энергіи въ вашей красивой натурѣ! И много заблужденій! Жертва неизбѣжна: ее требуетъ наука и юные ея питомцы; васъ я считаю достойнѣшимъ *жертвеннымъ* существомъ. Есть у меня на примѣтѣ и другія жертвы; но я ихъ оставляю до той поры возраста, когда онѣ содѣлаются способными для жертвоприношенія. Наша богиня — *Ѳемида* — имѣетъ разборчивый вкусъ..... А жертву инаго ученаго всегда отпускаютъ на волю, но въ очищенной формѣ. И такъ не бойтесь такого жертвоприношенія. Каждому молодому ученому я посовѣтовалъ бы зарубить въ памяти своей, какъ зарубку, слѣдующій афоризмъ стариковъ нашихъ: *десять разъ отмѣряй, а однажды отрѣжь;*

а если кому не нравится эта заповѣдь въ русской формѣ, то я повторю ее въ *латинской* — образцовой: *если кто отрѣжетъ больше или меньше надлежащей мѣры, тотъ проигрываетъ все* — даже правое *дѣло* (1). Но такъ какъ юридическая матерія, и особенно наша *отечественная*, не походитъ на печеный хлѣбъ въ округленной формѣ: то можно и 20, и 40 разъ примѣривать, до тѣхъ поръ, пока не чувствуется вѣрность глаза и руки; и тогда уже съ увѣренностію можно приступать къ операціямъ, и отрѣзывать несомнѣнныя истины, пожалуй, даже и такимъ восторженнымъ слогомъ: *Россія до XVII вѣка состояла на правѣ частной собственности у норманскихъ князей; а уголовныя преступленія подарены были ими волостелю также въ вѣчное и потомственное владѣніе,* а потому и волостель, какъ собственникъ, могъ ихъ передавать, отказывать, дарить самому преступнику, вѣроятно, кидая ему въ лицо, по отвратительности подарка. Значитъ, нашъ старый волостель могъ дѣлать по праву то, чего не въ состояніи сдѣлать ни одинъ изъ самодержавнѣйшихъ государей. Ибо *право помилованія* не истекаетъ изъ права частной собственности, имѣетъ границы и особенное свойство, вовсе не *дарственное. Человѣкоубійцу* никакая земная власть простить не можетъ.

II. Отъ господства переходимъ къ владычеству.

Порядокъ изложенія остается тотъ же, т. е. мы будемъ разлагать типъ на части, на отдѣльные моменты.

1. *Опредѣленіе.* Аналитическая операція надъ идеею верховной власти несравненно затруднительнѣе, нежели надъ идеею собственности. Здѣсь нельзя ограничиться простымъ взглядомъ на человѣческое дѣйствіе — въ положительномъ и отрицательномъ его направленіи, и возвести его въ абсолютную форму господства. Если мы будемъ скользить по однимъ явленіямъ исторіи, то утомимся въ нашемъ непосильномъ трудѣ, и все таки не исчерпаемъ существа института, не опредѣлимъ его истинной физіономіи; притомъ здѣсь предстоитъ намъ неминуемая опасность подвергнуться заблужденіямъ.

---

(1) *Si quis plus minusve secuerit, causa cadit.* **Dirksen:** Uebersicht der bisherigen Versuche zur Kritik und Herstellung des Textes der zwölf Tafelfragmente: (*III Tab.*) Leipzig. 1824.

Юриспруденція не имѣетъ дѣла съ одними фактами: они ей нужны, какъ грубый матеріалъ для выработыванія художественныхъ понятій. *Римское* право можетъ служить намъ образцомъ. Посмотрите на чудную, неподражаемую операцію, которую совершаетъ римскій юрисконсультъ надъ институтами семейственными, преломляемыми по юридическому началу—*власти*; отдѣливши ихъ отъ всякой непосредственной жизни, возведя понятіе въ чистый типъ, и чувствуя, что типъ далеко стоитъ отъ обыкновеннаго глаза, онъ нарочно припоминаетъ о значеніи своей художественной операціи: *мы опредѣляемъ одну юридическую сторону* (1). Въ краткомъ очеркѣ, я здѣсь представлю всѣ знаменитые пріемы, которые употреблялъ аналитическій разумъ въ преломленіи идеи верховной власти.

У Римлянъ мы встрѣчаемъ два пріема: *по авспиціямъ*, и *по магистратурамъ*. По различію авспицій, болѣе, или менѣе торжественныхъ, раздѣлялись верховные правители на *высшихъ* и *нисшихъ* (magistratus majores et minores); но малыя авспиціи не сообщаютъ лицу политической власти, кромѣ трибуна, и то по другимъ основаніямъ. Дальнѣйшаго дробленія нѣтъ: ибо хотя и есть степени въ авспиціяхъ высшихъ, но онѣ выражаютъ не мѣру и степень власти, а одну, такъ сказать, политическую, республиканскую *честь*, подобно нашей *княжеской стольной чести*. Есть особый міръ *авспицій*, куда никто не проникаетъ, даже плебейскій трибунъ: это *цензорскія авспиціи*. Съ ослабленіемъ *религіознаго* элемента въ верховной свѣтской власти, стали ее обозначать по *магистратурамъ*, или по *областямъ* управленія (provinciae magistratuum) (2). Области эти проведены были не по земельнымъ территоріямъ, но, такъ сказать, въ воздушной атмосферѣ; идея владычества обмежевана была умственными линіями; линіи притянуты къ личностямъ — какъ бы пограничнымъ стражамъ, и идутъ по всему протяженію республиканскаго періода, перекрещи-

---

(1) *Jus enim definimus.* Dig. 1, 6.

(2) Провинція первоначально означала *область*, *округъ*, гдѣ дѣйствуетъ правитель: *provincia urbana, peregrina, sortiri provincias, comparare inter se provincias*. Съ первой пунической войны, Римъ началъ завоевывать міръ на правѣ *провинціальномъ*, и тогда земли, лежащія внѣ Италіи, именовались *провинціями*, которыя всѣ были поставлены на одинаковомъ почти юридическомъ положеніи. Послѣднее — *территоріальное* значеніе вытѣснило древнее, и осталось въ исключительномъ употребленіи позднѣйшей литературы. Сравн. *Göttling*, Geschichte der römischen Staatsverfassung (Halle. 1840.) s. 413.—*Lange*, Römische Alterthümer. 1 B. 1856, Berlin. § 79.

ваясь, перепутываясь, и наконецъ дошли до всеобщаго безпорядка (extra ordinem). Движенiе верховнаго начала въ предѣлахъ линiи опять предоставлено было личному неограниченному двигателю, въ формѣ различнаго количества, множества, притомъ съ правомъ вмѣшательства равныхъ и высшихъ сановниковъ. Вотъ республиканскiй прiемъ и девизъ управленiя: *par majorque potestas* (¹). Такимъ образомъ изъ единой и нераздѣльной власти вышли какъ будто *удѣлы;* въ каждомъ удѣлѣ нѣсколько правителей, и каждый изъ правителей есть государь самодержавный, а всѣ вмѣстѣ, изъ всѣхъ удѣловъ созванные, составляютъ какой-то *сеймъ,* гдѣ не по числу голосовъ рѣшается государственное дѣло, но какимъ-то особеннымъ порядкомъ. Когда я представляю себѣ всю полноту величiя римскаго народа въ историческомъ и юридическомъ очертанiи, то при всей поразительной странности, глубоко, эстетически наслаждаюсь этимъ дивнымъ, художественнымъ построенiемъ античнаго строительнаго разума: выше ничего нѣтъ и не было въ этомъ отношенiи. Вотъ основной порядокъ республики: *ordo reipublicae.* Уклоненiя отъ государственнаго порядка стали ясно показываться въ VII вѣкѣ, и повели наконецъ къ признанiю единодержавiя. Передавая верховную власть императору, сенатъ, въ самомъ дѣлѣ, долженъ былъ разложить ее по блюдамъ, поочереди поднося ему *консульскую*, *проконсульскую*, *цензорскую*, *трибунскую*, *понтифицiальную* и всякую другую власть, которая потребуется для блага отечества; а, во избѣжанiе дальнѣйшихъ хлопотъ, совершилъ надъ нимъ языческiй апотеозъ: *divus Augustus.*

Каноническiй прiемъ въ опредѣленiи существа верховной власти нельзя назвать юридическимъ, свѣтскимъ; здѣсь нѣтъ ничего подручнаго для разсудочнаго мышленiя; слѣдовательно, въ эту область не проникаемъ мы съ нашимъ скуднымъ анализомъ.

Территорiальный, *удѣльный* прiемъ мы встрѣчаемъ у насъ въ *старой Россiи*, и отчасти въ *Германiи.* Верховную власть, вмѣсто юридическихъ, отвлеченныхъ участковъ, включили въ территорiальныя области (удѣлы), такъ что каждая область представляетъ полное, самостоятельное государство съ своимъ самодержавнымъ царемъ-княземъ; всѣ княженiя равны между собой, нѣтъ различiя между великими и малыми княженiями, какъ не было князей *вели-*

---

(3) *Ihering*—Geist des römischen Rechts, II Th. § 35. Свѣтлый, многозначительный взглядъ на магистратуру!

кихъ и *малыхъ*; есть одно — незначительное различіе между удѣлами, опредѣляемое по старому, родовому началу *стольной чести*, но и оно отъ времени сгладилось и повело къ усобицамъ и безпорядкамъ общимъ.

Въ *неограниченныхъ монархіяхъ*, *имперіяхъ* и *королевствахъ*, идея величія не имѣетъ никакой аналитической формы, не переходитъ въ юридическое понятіе (Begriff); слѣдовательно мы не можемъ опредѣлить ея объема.

Въ *новѣйшее* время приступили къ разсудочному анализу идеи величія по *хартіямъ конституціоннымъ*; но и здѣсь неудаченъ пріемъ: ибо въ каждомъ государственномъ органѣ отражается вся идея, во всей полнотѣ, безъ дробленія. Никто не въ состояніи измѣрить, сколько частей отъ этой единицы заключается въ верхнемъ парламентѣ, въ нижнемъ и въ королѣ?

При такой всемірной несостоятельности разсудочныхъ пріемовъ, *наука* должна была наконецъ обратиться къ міру небесному, божественному, откуда и перешла, въ самомъ дѣлѣ, верховная власть на землю, въ міръ человѣческій, и отъ Царя царей и Господа нашего взяла нѣсколько *титуловъ*, дабы на человѣческомъ языкѣ, сколько доступно пониманію, выразить приблизительно идею земнаго владычества. Но всѣ эти титулы—имѣютъ грамматическое свойство *именъ прилагательныхъ*, а *существительное имя* все таки осталось неразлагаемымъ.

2. *Историческое происхожденіе. Владычество*, по времени, есть первообразная форма, а *господство*—производная, вторичная. По источнику своему, оно есть откровенная, божественная сила. Въ *богоправленіи* іудейскомъ самъ Богъ управлялъ избраннымъ народомъ, былъ Царемъ неба и земли, и открывалъ Свою законодательную волю въ превѣчномъ Словѣ. Свѣтлѣйшій первообразъ человѣческихъ властей, затемненный и обезображенный грѣхомъ, никогда совершенно не пропадалъ, но проявлялся всегда и вездѣ въ различныхъ формахъ, какъ отголосокъ вѣчной правды: въ языческихъ теократіяхъ, въ первоначальныхъ физіологическихъ союзахъ—*семействѣ, родѣ* и *племени*, въ дальнѣйшемъ развитіи и юридическомъ сочлененіи человѣческихъ *обществъ*, и наконецъ въ *государствѣ*. Представляя мысленно всѣ эти историческія формы, перечисляя личныхъ органовъ, временныхъ представителей верховнаго величества на землѣ, одинъ другимъ смѣняемыхъ въ какой-то очередной преем-

ственности, невольно *западаетъ въ душу* мысль, что здѣсь падшее человѣчество, различными путями, восходя отъ одного лица къ другому, отъ старшаго къ старѣйшему, какъ будто стремится дойти до *Ветхаго деньми,* единаго Творца и Господа нашего, нѣкогда видимо нами управлявшаго, и за непослушаніе наше оставившаго насъ человѣческому водительству.

Верховная власть не есть актъ разсудочнаго мышленія, силлогистическое умозаключеніе, до котораго дошло человѣческое общество, вслѣдствіе нетвердости, неопредѣленности своего быта, при ея отсутствіи. Напротивъ, она есть идея вѣчная, первоначальная, присущая во всей физіологіи рода человѣческаго. Это одинъ изъ величайшихъ постулатовъ ума, безъ котораго онъ не можетъ мыслить объ исторіи человѣческой; это—непреложная истина, которая ни откуда не выводится, а постигается непосредственнымъ видѣніемъ. Человѣку не было никакого интереса выдумать ее, и тѣмъ отнять у себя самаго неограниченное господство, безпредѣльную власть надъ всемъ. Напротивъ, исторія доказываетъ неопровержимѣйшимъ образомъ, что человѣкъ—*собственникъ* постоянно и долго боролся съ верховнымъ владычествомъ, отстаивалъ всѣми средствами свои эгоистическія завладѣнія, и уступилъ наконецъ непреоборимому ея могуществу. Владычество не могло произойти изъ господства, какъ государственное право не вытекло изъ гражданскаго, *частнаго.* Оно было вездѣ и всегда, гдѣ былъ человѣкъ, гдѣ видны были первые союзы, и выражалось въ лицѣ *домовладыкъ, родоначальниковъ, жрецовъ, воиновъ, судей,* въ *земскихъ* и *городовыхъ общинахъ.*

Ужасно, невозможно даже въ воображеніи представить *безгосударное* состояніе человѣческаго общества! Быть можетъ, мы не имѣли бы того величественнаго лика, на которомъ Господу Богу благоугодно было отмѣтить Свое небесное помазаніе. Такимъ образомъ нѣтъ на землѣ пространства, гдѣ бы жилъ человѣкъ, и состоялъ во всецѣломъ вещественномъ порабощеніи;—нѣтъ времени, когда бы не дѣйствовала въ гражданскомъ обществѣ благодѣтельная верховная власть. Эту идею въ рельефной русской формѣ выразилъ *Гоголь* въ *Запискахъ сумасшедшаго*, запутавшагося въ отысканіи *Испанскаго* государя, но все таки убѣжденнаго, что онъ непремѣнно долженъ существовать, и только по какимъ-то крамоламъ сокрытъ, пропалъ безъ вѣсти.

3. *Область* для владычества другая, нежели для господства;

шире, выше, глубже, достойнѣе божественнаго своего назначенія. Не міръ физическій, не вещи подлежатъ владычеству, а міръ нравственный, люди. По *географической* величинѣ, міръ этотъ равенъ міру физическому, заключая въ себѣ опредѣленное, количественное человѣчество, основавшееся на государственной территоріи; но по внутреннему объему, по разнымъ сторонамъ человѣческой природы, завѣдываемымъ верховнымъ началомъ, и по исключительному его единству на всей землѣ — кругъ его почти не обводится точными математическими линіями. Что составляетъ *предметъ* владычества? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Ему подлежитъ *человѣкъ*, но не весь: многое, очень многое въ его существѣ остается неприкосновеннымъ, неподвластнымъ земному владыкѣ; во многихъ отношеніяхъ онъ самъ дѣйствуетъ на правахъ автократіи и автономіи; верховная власть не проникаетъ всего его личнаго существа, и не налагаетъ на немъ своей индивадуальной личности; напротивъ сама проникается человѣческимъ элементомъ, и служитъ органомъ народнаго духа. Государь состоитъ съ подданными въ непрерывномъ органическомъ союзѣ, въ нравственномъ общеніи, воспринимая въ себя народныя стихіи, и давая имъ правильное развитіе.

Владычеству подлежитъ человѣкъ, не какъ *оброчная статья*, или *угодье*, но какъ живое, разумное существо, состоящее въ различныхъ союзахъ—*нравственномъ, религіозномъ, общественномъ, государственномъ* и *гражданскомъ*, и имѣющее въ отношеніи къ нимъ свои права и обязанности. *Вещественная* сторона есть самая малая, грубая, послѣдняя, изъ которой слагается человѣческое бытіе; впрочемъ и она охраняется государствомъ. Къ *положительному* типу человѣческой природы, въ исторіи народовъ отливаемому въ разнообразнѣйшихъ формахъ, привходитъ высшій — божественный типъ, наложенный на насъ Самимъ Создателемъ, неустановляемый никакимъ законодателемъ, неуничтожаемый никакою земною властію; ибо человѣкъ на землѣ имѣетъ свое небесное назначеніе: онъ долженъ совершить свое дѣло, и въ этомъ высочайшемъ и труднѣйшемъ подвигѣ верховная власть обязана ему помочь, содѣйствуя къ достиженію цѣли всѣми посильными средствами. Въ человѣческомъ мірѣ, кромѣ условнаго, мѣстнаго, государственнаго порядка, долженъ господствовать *нравственный* порядокъ, божественными идеями поддерживаемый; ибо государство есть своего рода *откровеніе*, видимое осуществленіе этихъ высокихъ идей, данныхъ отъ Бога въ за-

вѣтъ вѣчнаго союза съ человѣкомъ. *Собственникъ* углубляется въ свою вещь, по мѣрѣ силъ своихъ, и никому не даетъ отчета въ своихъ движеніяхъ: ибо у вещи нѣтъ правъ (1). Верховный повелитель соприкасается къ нашей природѣ на другомъ началѣ, и въ другихъ пріемахъ: отъ неосторожности, отъ неправильнаго отношенія, можно потрясти весь организмъ, занести въ него несродные, или преждевременные слои, и чрезъ то ослабить всю его растительную, производительную силу, и погубить его во цвѣтѣ лѣтъ. Но въ природѣ человѣческой есть самосохраненіе: она не воспринимаетъ вредныхъ ей элементовъ, выбрасываетъ ихъ изъ своего организма, и, такъ сказать, *фактически*, парализируетъ обращенное на нее извнѣ дѣйствіе.

4. *Юридическое существо верховной власти.* Мы видѣли выше противоположное направленіе двухъ міровыхъ силъ — *господства* и *владычества.* Останавливаясь въ анализѣ на послѣдней, мы сперва разсмотримъ ее съ *отрицательной* стороны. Владычество не есть *частное*, *имущественное право,* составляющее содержаніе гражданской системы. И въ самомъ дѣлѣ, подводя его подъ *гражданскій маштабъ*, мы не можемъ примѣтить въ немъ ни одного, даже мелочнаго признака, по которому распознаются мѣновыя цѣнности въ оборотной жизни; нѣтъ у него ни опредѣленной тѣлесной формы, ни мѣста, занимаемаго имъ въ пространствѣ, подобно вещи; нѣтъ ни имени индивидуальнаго, которымъ бы выражалось его существо и отдѣлялось отъ другихъ; оно не имѣетъ даже служебнаго, подчиненнаго назначенія, какъ вещи состоятъ на службѣ у человѣка; нѣтъ въ немъ ни цѣны, ни мѣны, ни мѣры, ни вѣса, ни количества:—владычество есть какая-то *невѣсомая сила.* При различіи историческихъ формъ и относительномъ ихъ превосходствѣ, все таки остается загадкою для человѣческаго - биржеваго разума, которая изъ нихъ дороже, или дешевле; напримѣръ, императорская, или королевская - конституціонная. Владычества нельзя раздѣлить на *части*, на *дроби*; это такая удивительная единица, которая никакъ не подходитъ подъ правила ариѳметическія: она отливается въ другія единицы—10, 100, x; но не чрезъ умноженіе; ибо при всякой пропорціи количество силъ остается тоже, какое было у одной единицы. Но я эту мысль объясню примѣромъ: въ *римской респуб-*

(1) Qui jure suo utitur, neminem lædit.

ликъ идея величія отлилась въ 20-ти и болѣе личныхъ единицахъ, съ присоединеніемъ трехъ народныхъ собраній; а въ *имперіи*—въ одной; спрашивается: гдѣ больше, тяжеловѣснѣе, дороже верховное начало, тамъ, или здѣсь? Не умѣю отвѣтить; да едва ли кто въ состояніи разрѣшить эту задачу. У владычества нѣтъ степеней и разрядовъ, означающихъ *высшее*, *среднее*, или *нисшее* его достоинство. Въ *международномъ* правѣ есть какіе-то разряды государствъ,—*первостепенныхъ*, *второстепенныхъ* и вовсе *нестепенныхъ*; но это, безъ сомнѣнія, выдумка новыхъ могущественныхъ государствъ, стремящихся къ *гегемоніи*, необходимая, быть можетъ, по системѣ чиноначалія дипломатическаго, но все таки не уничтожающая кореннаго понятія объ отсутствіи степеней: ибо и въ незначительномъ, по территоріальному владѣнію, государствѣ (напр. Гамбургскомъ) таже верховная власть, какъ и въ безпредѣльной Россійской Имперіи. Она не составляетъ чьей либо личной, частной собственности, вѣчной и потомственной; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ въ исторіи не бывало такихъ собственниковъ. Если Людовикъ XIV сказалъ: *L'état c'est moi*, то это онъ выразилъ въ поэтическомъ, игривомъ настроеніи своего духа, вѣроятно, упоеннаго военною и общественною славою своей эпохи.

Юридическія отношенія между государемъ и подданнымъ не походятъ на несвободныя, убійственныя отношенія господина къ своему рабу: ибо въ подданномъ признана личность, которую никто не можетъ уничтожить, если она сама себя не уничтожитъ, напр. уголовнымъ преступленіемъ. Есть особенное *достоинство* (honor, dignitas), въ силу котораго эти отношенія имѣютъ величавую, красивую фигуру: у простаго владѣльца, даже у необъятнаго богача, нѣтъ этого отлива. Кому какое дѣло, что у него въ сундукахъ, или земельныхъ участкахъ скрываются сокровища и руды; развѣ одинъ бѣднякъ интересуется такимъ анализомъ, да и то, безъ всякаго вознагражденія за трудъ. На несвободномъ, вещественномъ грунтѣ верховное величіе потеряетъ свой свѣтлый ликъ, а вмѣстѣ и божіе благословеніе: ибо въ божественномъ уставѣ не назначено человѣку рабство, кромѣ одной грѣховной неволи, отъ которой Самъ Богъ его искупилъ. Далѣе: отношенія между государемъ и подданнымъ существенно отличаются отъ договорныхъ и свободныхъ отношеній между *вѣрителемъ* и *должникомъ*; позвольте спросить, кто въ этомъ союзѣ *вѣритель*, и кто—*должникъ*? Въ чемъ состоитъ

долгъ, на какомъ основаніи (causa obligandi—remota et proxima) онъ образовался, какими средствами и исками назначено требовать уплаты?.., Лучшіе въ мірѣ правители и водители человѣчества на пути нравственнаго и общественнаго усовершенствованія, считали и считаютъ себя неоплатными должниками... Высокое, глубокое, отрадное и благословенное пониманіе верховной власти!

Движеніе личной воли, по началу владычества, свободно, но не произвольно; неограниченно, но не безпредѣльно. Правда, *предѣлы* эти не суть видимыя—географическія, или математическія линіи, которыми обводится какое либо пространство, или величина; но они есть и должны быть. Я приведу здѣсь многознаменательное изреченіе древняго философскаго ума о власти человѣческой: *хотя въ отношеніи къ рабу, какъ вещи, все позволительно; но есть въ немъ что-то такое, чего не льзя себѣ позволить въ отношеніи къ нему, какъ къ человѣку, по общему, всѣми признанному кодексу* (1). А *подданный* состоитъ вездѣ на другомъ положеніи. Верховныхъ правъ нельзя ни продать, ни заложить, ни подарить; нельзя измѣнить юридическаго существа ихъ, и перевести въ другой титулъ, высшій, или нисшій, что дѣлаемъ мы съ нашими частными отношеніями; на владычествѣ не могутъ лежать другія права, какъ тяжести, извѣстныя въ гражданской системѣ, подъ именемъ: *jura in re aliena, in dominio alieno.* Объемъ онаго нельзя раздробить на части, и надѣлять ими своихъ приближенныхъ, по гражданскимъ способамъ, щедрою, царскою рукою, до собственнаго оскудѣнія (nudum jus); верховную власть, какъ тяжелую, неудобоносимую, или безприбыльную статью, нельзя бросить и предоставить ее, какъ вещь ничью, первому пріобрѣтателю. Самое *охраненіе* верховнаго владычества совершается не *исковымъ процессомъ*; даже Римляне—великіе изобрѣтатели процессуальныхъ формулъ, не придумали ни *интердиктовъ*, ни *исковъ*, для защиты этого права, въ случаѣ тяжбы, или неправильнаго завладѣнія. Но я прекращаю *гражданскій* анализъ: онъ мнѣ слишкомъ подрученъ, и неисчерпаемъ.

Теперь перейду къ *положительной* или *политической сторонѣ* института.

По пространству, верховная власть есть *вездѣсущая сила*,

---

(1) Cum in servum omnia liceant, est aliquid, quod in hominem licere commune *Jus* vetet. *Seneca*, de Clem. I, 18.

проникающая всю землю, дѣйствующая на всей государственной территоріи; нѣтъ уголка, затаеннаго, темнаго, гдѣ бы можно было укрыться человѣку отъ этой грозной и свѣтлой силы. Въ *древности* были такія *мѣста* (азилы), которыя пользовались религіознымъ миромъ, и были неприкосновенны; къ нимъ прибѣгалъ *древній* человѣкъ, и укрывался отъ свѣтской законной мести, или отъ порабощенія, но на время, на краткій срокъ: надо же когда нибудь выдти изъ этого пріюта. Нѣтъ *человѣка*, который бы, состоя въ государственной области, не былъ подсуденъ верховному суду; а если откроется такой человѣкъ, то будетъ онъ государь, и мѣсто, на которомъ онъ пребываетъ, есть чистое государство, только безъ подданныхъ: особы посланниковъ, изъятыя изъ территоріальной власти, имѣютъ другое значеніе.

По времени, верховная власть есть *вѣчная, непрерывная сила*, существующая *и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ*, до скончанія міра (imperium perpetuum). Извѣстно, что между однимъ законнымъ ея представителемъ и другимъ преемникомъ, по времени, долженъ быть промежутокъ, иногда значительный, по формѣ передачи; напр. въ *избирательныхъ государствахъ*. Но наука отвергаетъ самую возможность промежутка, интервалла. Что это значитъ? Тонкость юридическая (subtilitas juris)? Нѣтъ. Правда, выдумали эту мысль *Римляне*, и вотъ, по какой причинѣ. У нихъ запропалъ первый ихъ царь—*Ромулъ*; черезъ нѣсколько времени является онъ уже въ сонмѣ боговъ, какъ *Квиринъ*, и посылаетъ Риму свое благословеніе, избрать на царство новаго царя. Тогда старики — *патриціи* положили на совѣтѣ, что *авспиціи вѣчно останутся у нихъ* (auspicia penes patres sunt), а въ силу ихъ—для непрерывнаго теченія верховной власти на землѣ—постановляется на 5 дней *между-царь — interrex*, который видимымъ образомъ и долженъ посвятить новоизбраннаго въ царское достоинство, передавши ему и авспиціи. Такіе побѣги и пропажи у нихъ въ 1-мъ періодѣ повторялись часто. Знаменитѣйшій въ этомъ родѣ побѣгъ учинилъ *Тарквиній Младшій*, выгнанный изъ Рима за извѣстную продѣлку, и унесшій съ собой авспиціи въ непріятельскую землю. Тогда опять старики—владѣльцы божественныхъ авспицій—поставили между-царя въ лицѣ *Лукреція*, которой и благословилъ на республиканскій престолъ двухъ консуловъ. И *плебеи*, съ своей стороны, позаботились о вѣчности своихъ малыхъ авспицій, опредѣливши

закономъ (*lex Duillia*), что ни одинъ трибунъ не можетъ оставить плебейскаго народа безъ постановленія себѣ преемника, подъ смертною казнію (1). Съ той поры все у нихъ обстояло благополучно.

И у насъ была година тяжкаго народнаго испытанія: затерялся нашъ прирожденный, малолѣтный наслѣдникъ, *святый Димитрій царевичь*. И наши старики, ни въ чемъ не уступая Римлянамъ, положили на общемъ совѣтѣ—а вѣроятнѣе дѣло обошлось и безъ совѣта, по обычаю (mores majorum)—что *свѣтскія* авспиціи у нихъ, а *церковныя* у церковныхъ высшихъ властей, а потому и не нужно было ставить особаго посредника—*между-царя*, для избранія и благословенія государя. И вотъ народъ, въ лицѣ истца, въ эту годину, обращается по своимъ суднымъ дѣламъ къ боярамъ въ замѣчательнѣйшей по *конструкціи* формулѣ: «*Великіе россійской державы Московскаго государства бояре и воеводы и вся земля! Смилуйтесь—пожалуйте, государи, велите мнѣ дать свой государевъ земскій судъ и управу.*» (2) Взгляните на первую *французскую революцію*: комитетъ за комитетомъ смѣняются во время политической бури, и всѣ существуютъ и дѣйствуютъ во имя государственной, личной власти (comités de salut public). И такъ верховное владычество непрерывно; но намъ надо разрѣшить основаніе этой непрерывности, открыть истинную причину такого всемірнаго явленія! Настоящая причина, по которой признано непрерывное теченіе владычества, вѣроятно, скрывается въ недобромъ свойствѣ человѣческой природы. Человѣкъ иногда не дѣлаетъ ужаснѣйшихъ преступленій не столько по нравственному убѣжденію, сколько по внѣшнему принужденію, *страха ради*; и такъ, если бы оказался одинъ *моментъ*—минута, а не часъ, когда на землѣ нѣтъ верховной власти, а слѣдовательно нѣтъ ни суда, ни расправы, тогда бы злой и кровожадный человѣкъ, узнавши о такомъ радостномъ для него пробѣлѣ, совершилъ множество золъ, покусился бы на истребленіе рода человѣческаго, — и остался бы внѣ кары, не подсуденъ закону: ибо въ этомъ моментѣ, въ самомъ дѣлѣ, не было личнаго законодателя, судіи и карателя.

---

(1) M. Duilius deinde tribunus plebis plebem rogavit, plebesque scivit: Qui plebem sine tribunis reliquisset, quique magistratum sine provocatione creasset, tergo ac capite puniretur. Liv. III, 55.

(2) Акты юридическіе: № 35, 36; изъ временъ междуцарствія, въ 1613 г.

По *личнымъ органамъ*, — верховная власть *единична*, *исключительна*, *нераздѣльна* и *слитна* (in solidum). Въ каждомъ органѣ она проявляется вся, во всей цѣлости и полнотѣ; *области*, гдѣ она дѣйствуетъ, могутъ лежать, то на *земельныхъ* территоріяхъ, то на воздушныхъ — *отвлеченныхъ* участкахъ; но вездѣ она единична, индивидуальна, а не *коллегіальна*. Двухъ, или трехъ государей въ государствѣ быть не можетъ. А у Римлянъ было около 20 и болѣе? Нѣтъ, Римляне вообще не походили на урода; а въ политическомъ быту, имѣли даже красивѣйшій ликъ. И такъ во всю исторію, и у нихъ былъ одинъ государь, и въ 1-мъ періодѣ, и во 2-мъ, и въ 3-мъ. Изъ двухъ равныхъ консуловъ — одинъ дѣйствуетъ, а другой отдыхаетъ; но неугомонные *плебейскіе трибуны* не знали отдыха, и всѣ управляли—вмѣстѣ и порознь; это что значитъ? Тоже, что и вездѣ, то есть, изъ 10 трибуновъ каждый есть самобытный и неограниченный государь, одинъ другаго уничтожая; а чтобы этого взаимнаго самоуничтоженія не было, нужно было имъ слиться въ одно лицо. У насъ въ *Россіи*, въ періодъ *нашихъ удѣловъ*, каждый *удѣльный князь* есть независимый государь, нисколько не подсудный *великому князю*: у него всѣ регаліи, всѣ признаки, по которымъ распознается верховное величіе; это не *вассальные князья*.

Есть юридическое правило, приложенное, по формѣ, къ гражданскимъ правамъ, но которое ясно выражаетъ *солидарность* и нашего политическаго института: *dominium* (а мы здѣсь вставляемъ — *imperium*) *duorum, vel plurium in solidum fieri non potest*. Двое, а тѣмъ менѣе многіе, пра́ва собственности на одну и ту же вещь имѣть не могутъ: ибо право одного будетъ исключать право другаго, а совмѣстное ихъ бытіе не возможно на опытѣ. Поэтому допущено дѣленіе собственности на *части—физическія*, или *юридическія*, и изъ каждой части составили отдѣльныя тѣла, а на нихъ особыя права полной собственности. Подобный пріемъ повторяется и съ *верховною властію*: она отмежевывается, или по географическимъ участкамъ (государственныя территоріи), или по юридическимъ областямъ (provinciæ magistratuum), или по конституціонному дѣлежу (парламенты); но это не *части*, а цѣлыя единицы. Идея нераздѣльна; а *понятія* могутъ быть отливаемы въ различныя формы. Съ литературной стороны разсматривая, *аналитическое* состояніе идеи въ исторіи народовъ представляетъ больше движенія, нежели

противуположное ему — *синтетическое* состояніе; впрочемъ бытіе той или другой формы государства не зависитъ отъ человѣческаго произвола, не есть дѣло разсудочнаго мышленія, механическое изобрѣтеніе: *форма* отливается по закону органическому, истекаетъ изъ духа народнаго; человѣкъ здѣсь есть одно орудіе божественнаго промысла.

По степени, верховная власть, какъ самое слово показываетъ, не имѣетъ степеней, выражающихъ — *движеніе, восхожденіе* и *нисхожденіе* (imperium *summum*). На землѣ нѣтъ другой, высшей власти. Слѣдовательно, она никому неподсудна, безотвѣтственна. Это ея *физіологія:* иначе она не будетъ верховною властію. Кто могъ судить народъ римскій, въ эпоху его самовластія? Кто могъ судить верховнаго *сановника,* которому этотъ же народъ, по государственному акту (lex curiata de imperio), передалъ на время управленіе республикою? И немыслимо понятіе объ отвѣтственности. Другое дѣло, когда срокъ правленія кончится, и когда сановникъ, сложивши съ себя царскія регаліи, становится частнымъ человѣкомъ,—тогда открывается надъ нимъ судъ, — и онъ обличается въ неправильномъ пониманіи своего высокаго назначенія. Обвинительныхъ процессовъ въ этомъ родѣ было много въ республикѣ. Вотъ *физіологія владычества!* Мы ее возстановили въ общемъ летучемъ очеркѣ, но согласно съ наукою. Въ *глубь,* далѣе я не хочу итти съ своимъ аналитическимъ методомъ, по назначенію моей журнальной статьи для общественнаго чтенія.

Но для окончательной отдѣлки института, для начертанія выпуклой его физіономіи, я, въ удовольствіе благосклонному читателю, представлю свѣтлый ликъ верховнаго владычества въ *міровомъ, историческомъ движеніи,* въ преемственной смѣнѣ формъ, которыя эта идея воспринимаетъ въ своемъ органическомъ возрастѣ, не измѣняя впрочемъ своей юридической сущности.

Историческіе законы, при всемъ разнообразіи путей сообщенія, почти одни и тѣ же у всѣхъ народовъ, за исключеніемъ *теократій языческихъ,* и *откровеннаго богоправленія въ народѣ еврейскомъ.* Эти исключенія не подходятъ подъ нашу точку созерцанія: мы имѣемъ въ виду *свѣтское, человѣческое,* историко-органическое развитіе верховной власти. На *пять* возрастовъ можно раздѣлить весь міровый процессъ, который прошла идея величія въ исторіи; вотъ *первое* уклоненіе отъ естественнаго, физическаго процесса

человѣческой природы; *второе* состоитъ въ томъ, что въ этихъ возрастахъ силы нравственно-политическія не въ такой пропорціи распредѣлены, какъ въ тѣлѣ человѣческомъ,—а иначе, по особенной божественной экономіи; *третіе* и послѣднее уклоненіе то, что намъ вовсе неизвѣстны число, мѣра и форма всѣхъ дальнѣйшихъ обновленій человѣческаго общества.

Въ первомъ *возрастѣ,* при выступленіи человѣчества на чреду земнаго служенія высокимъ идеямъ, верховная власть, какъ стихія рода человѣческаго, какъ жизненная его сила, разливается по всему народу, ощущается во всѣхъ его сочлененіяхъ , *естественныхъ* и *юридическихъ;* а видимымъ, тѣлеснымъ образомъ проявляется всегда посредствомъ личныхъ, опредѣленныхъ органовъ. Такъ, начиная съ первыхъ союзовъ, съ древнѣйшихъ общественныхъ состояній, она выражается въ представителяхъ ихъ: *родоначальникѣ, домовладыкѣ, старѣйшинѣ, жрецѣ, начальникѣ военной дружины, судьѣ* и т. д. Человѣкъ выступаетъ на сцену исторической дѣятельности всегда въ *союзахъ,* гдѣ онъ укрывается, зрѣетъ, какъ младенецъ, или даже зародышъ, до будущей чреды своего призванія. Право всѣхъ этихъ властелиновъ не надобно считать правомъ *гражданской собственности,* не смотря на нѣкоторое видимое сходство ихъ, и вещественную, грубую оболочку, подъ которою обозначается движеніе власти: иначе мы впадемъ въ великое заблужденіе, и нанесемъ и наукѣ и человѣку тогдашняго общества глубокое оскорбленіе. И въ это полу-историческое время человѣкъ не былъ кабальнымъ, безличнымъ рабомъ; напротивъ, уваженъ, признанъ былъ въ своемъ личномъ, прирожденномъ ему достоинствѣ самими владыками; и въ такъ называемыхъ *общественныхъ судахъ* (1) имѣлъ юридическую защиту. Безъ политическаго охраненія, непремѣнно онъ былъ бы изуродованъ, обезображенъ неправильнымъ движеніемъ властительной руки;—и мы, при всѣхъ усиліяхъ, никакъ не могли бы его отыскать въ дальнѣйшей исторіи народа, гдѣ онъ выступаетъ уже съ величественнымъ своимъ челомъ, какъ *лицо, гражданинъ.*

Во *второмъ возрастѣ,* верховная власть представляетъ уже разсудочную рефлексію, строеніе ума человѣческаго, *нарядъ.* Отъ первоначальныхъ, неизвѣстно, кѣмъ, когда и на какомъ основаніи,

---

(1) *Формы* ихъ разнообразны, по различію самыхъ сочлененій: таковы, напр. *суды семейственные, жреческіе, военные, общинные.*

узаконенныхъ властей, процессъ развитія переходитъ къ сознательному, мысленному акту; изъ всей исторіи прошедшей видно, что прежнія, естественныя формы оказались несостоятельными, а органы потеряли народное сочувствіе; духъ народный требуетъ новыхъ, свѣжихъ сосудовъ, въ которые бы выливалась его творческая дѣятельность. Въ этой порѣ общественнаго быта органы политическіе довольно разнообразны: таковы, напр., *народныя собранія, думы, совѣты, сенаты, вѣче;* для личнаго представительства и движенія ихъ во внѣ, эти искусственныя единицы должны отражаться въ живыхъ, индивидуальныхъ властелинахъ, *высоко стоящихъ* надъ всѣмъ народомъ, дабы каждому они видны были издали (magis—stratus); въ *Римѣ* были *сановники,* у насъ *старѣйшины, посадники,* у другихъ подъ разными именами: народное собраніе, не имѣя ни рукъ, ни ногъ, а одну голову—умъ, думу, не можетъ преобразиться въ живое и разумное существо; слѣдовательно ему нуженъ *механикъ.* При всеобщности и единствѣ явленія, я замѣчаю одно существенное различіе въ древнемъ и новомъ человѣчествѣ: *тамъ* формы политическія чрезвычайно опредѣленны, мѣрны, условны, пластичны; *здѣсь* — онѣ состоятъ въ какомъ-то *плавильномъ* процессѣ, не выработываются въ типическіе образы, не воспринимаютъ правильнаго и однообразнаго движенія. Сравните *римскія* и *новгородскія* народныя собранія!

Потомъ верховная власть вступаетъ въ *третій возрастъ;* она какъ будто отдѣляется отъ народной массы, не переставая впрочемъ состоять съ нею въ физіологическомъ обобщеніи; отъ народнаго духа она воспринимаетъ силу, содержаніе и форму; словомъ,—есть полное изліяніе народной духовной субстанціи, состоящей въ извѣстной степени историческаго развитія. Какова степень развитія, такова и физіономія владычества: между народомъ и его государемъ открыты въ организмѣ всѣ пути сообщенія, видимые и невидимые. По различію юридическихъ *титуловъ,* всегда и вездѣ впрочемъ *государственныхъ,* а не *гражданскихъ* (прошу читателя обратить вниманіе на это существенное различіе), верховная власть сосредоточивается въ одномъ личномъ двигателѣ и правителѣ: таковъ *царь, князь, государь, король, герцогъ, графъ, императоръ, султанъ, богдыханъ* и простый *ханъ.* Не случайно, не произволомъ одного человѣка, или партіи—вылѣпляется и складывается ликъ единодержавія: такое пониманіе судебъ человѣческихъ слишкомъ узко и оскорбитель-

но для природы нравственно-разумной. Не по крамолѣ сенатской—*Августу* переданы были всѣ верховныя права, но по утомленію, изнеможенію и неправильному движенію прежнихъ органовъ: республика видимо приблизилась къ своему разложенію, и почти цѣлый вѣкъ находилась въ болѣзненной борьбѣ съ своею очередною смертію. И *монархическія* формы чрезвычайно различны: для сравненія я укажу на оріентальныя монархіи, римскую и византійскую германскую и россійскую имперію.

Теперь открывается новый, мѣстный *возрастъ*, выражающій не физіологическую природу государства, а другую—какъ бы *духовную*, или вѣрнѣе, *церковную* сторону. Къ *свѣтскому*, *человѣческому*, а потому и не всегда состоятельному *элементу*, изъ котораго сложилась верховная власть въ государствѣ, привзошелъ, у нѣкоторыхъ народовъ, языческихъ и христіанскихъ, *религіозно-церковный элементъ—апотеозъ*—въ обширномъ смыслѣ. Въ *языческомъ* мірѣ не удался этотъ апотеозъ: ибо въ восточныхъ теократіяхъ, онъ закрылъ весь человѣческій ликъ во властелинѣ; а въ *римской* имперіи, при подчиненіи религіи государству, онъ скоро былъ секуляризированъ, и потерялъ народную вѣру. Неужели, по совѣсти, могъ кто нибудь *Нерона*, или *Калигулу* почитать олицетвореннымъ Богомъ? И такъ уже при кесаревой династіи началась *иронія*, а съ нею и апотеозъ пропалъ. Величайшій, чистѣйшій христіанскій апотеозъ совершился надъ ликомъ *византійскаго* — номоканоническаго *императора*. Но государственное тѣло было *ветхое*, старое, невлажное (въ имперіи все таки жилъ старый, античный человѣкъ, только обновленный въ христіанина); а потому *благодатный* элементъ не укрѣпилъ свѣтскаго государства, а скорѣе, какъ мнѣ кажется, разложилъ его: *«не вливаютъ вино новое въ мѣхи старые.»* Но за то, какимъ избраннѣйшимъ сосудомъ былъ византійскій міръ для христіанской благодати! Человѣкъ воспринималъ ее однимъ чистымъ сердцемъ. Здѣсь, только здѣсь, образовалась святая вселенская Церковь, хранящая свой завѣтъ въ неприкосновенномъ священнѣйшемъ кивотѣ—іерусалимскомъ храмѣ.

Древній міръ не представляетъ намъ новыхъ періодовъ въ исторіи государствъ; *восточная* его полоса управлялась по монархической системѣ, съ различными отливами; а *западная*—по *республиканской*, въ эпоху лучшей жизни. Одинъ новый *христіанскій* міръ неисчерпаемъ въ своемъ развитіи, въ образованіи формъ государ-

ственныхъ. Такимъ образомъ, со временъ *реформаціи*, на западѣ сталъ показываться поворотъ верховной власти отъ одного лица опять къ народу; и при томъ въ преемственной постепенности. До сихъ поръ *идея величества* имѣла *прогрессъ, восхожденіе;* а теперь она получаетъ *регрессъ, нисхожденіе:* какъ будто, здѣсь повторяется пріемъ методическій въ двухъ направленіяхъ. Но гораздо легче итти впередъ, и подниматься далеко вверхъ, и несравненно труднѣе спускаться съ крутой, отвѣсной высоты. Новая исторія разительно подтверждаетъ эту *естественную истину*. Надлежало дѣлать обрубы въ гранитной скалѣ, устроить навѣсы, выступы, вымѣрить всѣ линіи по неизмѣримому человѣчеству и землѣ, однимъ словомъ, идею верховной власти стали переводить въ опредѣленное понятіе, и раздѣлять ее на дроби. Вотъ физіономія новѣйшихъ *конституціонныхъ государствъ;* а чертежъ и планъ нисхожденія мы видимъ въ такъ называемыхъ *хартіяхъ*. Мы останавливаемся на однихъ яркихъ событіяхъ: верховной власти не всегда удобно слѣдовать по начертаннымъ линіямъ; здѣсь много искусства, измѣреній, вычисленій; а всего—и настоящаго, но особенно будущаго—напередъ никакой умъ вычислить не можетъ; слѣдовательно прочетъ неизбѣженъ. *Пластическій видъ* конституціонныхъ государствъ, при незначительномъ различіи, одинъ: верховная власть, по раздѣленіи, весьма впрочемъ условномъ, живаго и единаго народа на два, какъ будто отдѣльные организма, сосредоточенно живетъ въ *двухъ парламентахъ* (палатахъ, камерахъ, избахъ русскихъ), гдѣ впрочемъ не всѣ жители имѣютъ пребываніе, а одни *избранные* — по двумъ маштабамъ: *цензу* и *высшему происхожденію*. На высочайшихъ, тончайшихъ остротахъ этихъ двухъ зданій, какъ бы на *шпицахъ угольныхъ*, раскинута дивная, почти неразгаданная *лѣствица*, по которой ходитъ сторожевой, всегда съ думой и заботой, поглядывая на право и на лѣво; ибо безъ оглядки нельзя поручиться за одинъ день политической его жизни. Это *конституціонный король*—новѣйшее человѣческое изобрѣтеніе!

Если вздумается парламентамъ поссориться, а это весьма возможно по свойству человѣческой природы, тогда наступаетъ истинная бѣда. Правда, есть одно средство, которое уставители и сочинители хартіи, предвидѣвшіе враждебное отношеніе двухъ органовъ народныхъ, сочли единственнымъ, исходнымъ средствомъ: *распущеніе парламентовъ*, особенно *нижняго*, или возведеніе новыхъ лордовъ

въ верхній, для оппозиціи прежнему парламентскому сочлененію. Но какое жалкое, безвыходное средство! Все таки надобно созвать тотъ же народъ, а, быть можетъ, и тѣхъ же буйныхъ членовъ. Что тогда дѣлать? Я понимаю ясно, что въ это вулканическое время, и король, и верхній парламентъ, совершаютъ святую молитву, и приносятъ всеобщую жертву за себя и за народъ, умоляя небеснаго Царя о сліяніи разрозненныхъ организмовъ, объ единеніи двухъ линій параллельныхъ. Дальнѣйшихъ новыхъ формъ исторія не представляетъ; а потому нельзя даже предугадывать, какой полетъ возметъ идея верховнаго величія въ будущемъ времени.

Вотъ общій оттискъ идеи верховнаго владычества во всемірной исторіи, въ *движеніи!*

Въ *дѣйствительной* жизни, по видимому своему *осуществленію* (Ausübung der Hoheit) верховное *владычество* сходно какъ бы съ *господствомъ*, т. е. покрывается вещественною тканію, облекается въ тѣлесныя формы, получаетъ *антропоморфическій типъ.* Другаго возможнаго перехода въ живую жизнь, идея эта не имѣетъ. И вотъ, на поверхности исторіи народной, являются *гражданскіе акты*, какъ будто тѣ же самые, которые мы, Русскіе, совершаемъ въ *гражданскихъ палатахъ крѣпостнымъ порядкомъ*, или *явочнымъ* у *маклеровъ и нотаріусовъ*, а не рѣдко и однимъ *домашнимъ*. Таковы: акты *раздѣльные, дарственные, духовныя* и *договорныя грамоты, мировые* и *отказные* акты, даже *купчія* и *закладныя крѣпости.* Я прошу, на первый разъ, всякаго неопытнаго созерцателя этой актовой стороны, не соблазняться такимъ явленіемъ, и не принимать акты за настоящія, владѣльческія права.

Идея верховной власти слишкомъ высока, духовна, свѣтла, какъ лучь божественный; для нея нѣтъ даже сомобытнаго, земельнаго, органическаго слова, на которомъ мы означаемъ наши вещественныя понятія. Все, чѣмъ хотимъ мы выразить ея существо и сдѣлать для насъ осязательнымъ, мы взяли изъ міра божественнаго, отъ Царя небеснаго, только подчинили эту идею нашей разсудочной рефлексіи; но, говоря юридически, не далеко ушли въ этой рефлексіи, т. е., дѣлаемъ какое-то *кругообращеніе* (circulus in definiendo). Прошу вдуматься поглубже въ эту мысль!

Римляне въ типическихъ формахъ, въ анализѣ юридическихъ по-

нятій стоятъ выше всѣхъ; едва, едва теперь доступно для насъ понимание этаго литературнаго анализа. Но какъ бьются, затрудняются они съ идеею верховнаго величія, переводя ее въ живую республиканскую жизнь! Начертавши для нея нѣсколько умственныхъ, воображаемыхъ участковъ, и посадивши въ этой воздушной атмосферѣ опредѣленныхъ верховныхъ сановниковъ, приставивши къ одному участку по нѣскольку отдѣльныхъ лицъ, на равномъ правѣ, они должны были наконецъ допустить *очередное*, по днямъ и часамъ, управленіе, и вмѣстѣ общее всѣхъ участіе; не говорю о другихъ странныхъ пріемахъ. Перенося верховное величіе на императора, сенатъ римскій, какъ будто совершилъ величайшій, но незаконный, *дарственный* актъ, лишивши себя всякаго участія въ государственномъ управленіи, тогда какъ верховная власть составляла достояніе народа (majestas populi romani). Назначая себѣ преемника, еще при жизни, императоръ римскій какъ будто смотритъ на государство, какъ на свой удѣлъ. Такими вещественными, гражданскими актами проникается весь политическій организмъ.

Но я взгляну на Римъ съ другой, болѣе осязательной, общепонятной стороны—*семейственной*. Римское семейство не разложилось государствомъ, оставшись въ опредѣленной сферѣ *самодержавнымъ* (автократія и автономія); слѣдовательно семейная жизнь управляется по началу *властей* (potestas, imperium domesticum). Но посмотрите на чудовищную форму этихъ властей! *Мужъ* покупаетъ и продаетъ жену свою, а не рѣдко пріобрѣтаетъ ее земскою давностію (per usum); отецъ семейства хозяйничаетъ гораздо шире и свободнѣе: онъ покупаетъ дѣтей чужихъ, продаетъ своихъ собственныхъ, закладываетъ, отпускаетъ на волю, но не даромъ, а посредствомъ *купчей* крѣпости, надъ сыномъ совершаемой три раза, а надъ другими однажды. Что это значитъ? У свободнѣйшаго народа, освятившаго и защитившаго человѣческую личность, встрѣчаемъ мы такія ужаснѣйшія формы домашней кабалы! А между тѣмъ эти же самые безгласные, подъяремные дѣти, въ одно и тоже время, стоятъ на всей высотѣ республиканскаго могущества, бываютъ, по избранію народа, консулами, трибунами, диктаторами, а потому во всякое время своего правленія, весьма легко могутъ доказать домовладыкѣ, что нельзя съ ними обращаться, какъ съ вещами; а *женщина* имѣетъ старинное, священное право на *свободный разводъ*, и тѣмъ избавлена отъ деспотическаго перевѣса гармоническихъ со стороны мужа силъ,

а, быть можетъ, и весьма вѣроятно, перевѣсъ этотъ оказывался на ея сторонѣ. О другихъ поразительныхъ противорѣчіяхъ между началами я теперь умалчиваю. И такъ, отъ лица науки юридической, какъ профессоръ классическаго права, я приношу искреннюю благодарность юрисконсульту *Гаю*, что онъ, предчувствуя наши недоразумѣнія, прибавилъ одно слово ко всѣмъ гражданскимъ актамъ, ему и тогдашнему обществу вовсе не нужное, для насъ драгоцѣнное: *dicis gratia, imaginaria venditio per aes et libram;* или, переводя на русскій языкъ: это *штука, шутка, обманъ, образъ, вымыслъ, кунстштюкъ*. А наши молодые юристы требуютъ отъ новыхъ народовъ, и притомъ въ возрастѣ малолѣтнемъ, почти младенческомъ, чтобы идея верховной власти вылилась въ какую-то стихійную, прозрачную, лучеобразную форму: не нравится имъ вещественная оболочка, и подъ нею они видятъ темное, кабальное начало.

Вотъ общій голосъ науки, при распознаваніи и пониманіи двухъ основныхъ формъ всѣхъ человѣческихъ обладаній: *господства* и *владычества!* Не знаю, въ какой степени достигъ я своей цѣли, передавая благосклонному и просвѣщенному русскому читателю идеи ихъ. Но я, на первый разъ, сдѣлалъ все, что мнѣ можно было сдѣлать по размѣру моихъ силъ, чтобы передать мысли мои рельефно, осязательно, а слѣдовательно и убѣдительно. Область, въ которой мы теперь вращались, есть высочайшая, отвлеченнѣйшая рефлексія; посмотрите, какимъ языкомъ говоритъ объ этихъ предметахъ наука: и мнѣ самому, пріученному къ художественнымъ ея пріемамъ, подъ часъ становится неловко....

B.

Приложеніе общихъ понятій о господствѣ и владычествѣ къ исторіи Россійскаго Государства и различнымъ его учрежденіямъ.

Теперь вступимъ съ нашимъ *методическимъ* снарядомъ *историко-органической* работы, на русскую землю, уставимъ его не на одномъ какомъ нибудь неподвижномъ мѣстѣ, напр. *Москвѣ*, чтобы отсюда наблюдать за движеніемъ двухъ началъ въ исторіи отече-

ственной, но будемъ передвигать его съ мѣста на мѣсто, смотря потому, гдѣ находится разсматриваемый предметъ, и при томъ обративши снарядъ къ лицу предмета: иначе мы не увидимъ настоящей его физіономіи. Надобно сознаться, что я приступаю къ операціи трудной, почти мнѣ непосильной, по недостатку сціентифическаго обработыванія юридическаго элемента въ нашей исторіи, особенно въ области государственнаго права. Но кому нибудь надобно же рѣшиться на этотъ подвигъ,—и право на такой трудъ должно принадлежать природному русскому человѣку. На первый разъ имѣю честь представить на судъ русской науки слабый литературный пріемъ въ анализѣ *государственнаго* начала въ Россіи, и прошу всякаго, кто чѣмъ можетъ, помочь мнѣ въ этомъ отечественномъ дѣлѣ, и указать мнѣ на мои недостатки, но съ любовію и благодушіемъ, не огорчая меня глубоко: ибо я имѣю другое ученое призваніе,—*профессію римскаго права*, гдѣ позволяю себя судить неумолимымъ судомъ за ложныя убѣжденія; а истину я буду защищать всѣми достойными средствами.

Мы выше утвердительнымъ тономъ говорили, что верховная власть есть вѣчная, божественная, присносущая сила, которою держится и управляется человѣчество во всѣхъ своихъ историческихъ состояніяхъ, на всѣхъ степеняхъ развитія. Одна Россія—этотъ полуміръ—пробавлялась *десять*, *двѣнадцать* вѣковъ безъ этой благодѣтельной и міровой силы. Что же это значитъ? Въ самомъ дѣлѣ, не была ли она какая-нибудь *аномалія*, *уродъ*, исключенный изъ семьи человѣческой, какъ величалъ ее нѣмецкій философъ? Вы видите, почтеннѣйшіе молодые историки, что вопросъ вами поставленъ слишкомъ высоко и рѣзко, на самомъ нѣжномъ, животрепещущемъ мѣстѣ, на *сердцѣ* русскаго человѣка; и такъ неудивительно, простительно, если мы будемъ отстаивать Русь всѣми средствами, правдою и неправдою: ибо производить свою родословную отъ такого народа, который лѣтъ за 100 или 200, не имѣлъ никакихъ общественныхъ формъ для жизни своей, и стоялъ въ вещественномъ порабощеніи норманскихъ выходцевъ, признаться надобно предъ вами, мы не намѣрены. Надъ нами насмѣются *сосѣди*, и *по дѣломъ*. Мы желаемъ *славы*: ибо мы, по божьему избранію, принадлежимъ къ *славенскому*, или, усѣченно говоря, *славному народу*: этимологія на этотъ разъ въ сторону. Производятъ же *Германцы* свою генеологію отъ какого-то *Германа*. Этой славы, намъ прирожденной, мы никому не усту-

нимъ, и имѣемъ на нее священнѣйшее право. Въ этомъ отношеніи мы походимъ на *Римлянъ*, и отъ всего сердечнаго убѣжденія выписываемъ въ придисловіе нашей литературной исторіи слѣдующія свѣтлыя слова *Ливія:* «*Если какому народу позволено освятить свое происхожденіе, и отнести его къ богамъ—виновникамъ историческаго его бытія: то эта честь и слава должна принадлежать римскому народу,* (а мы читаемъ здѣсь — *русскому*: у всякаго народа свое *чтеніе*) (1).

И такъ, собираясь въ народное ополченіе, созывая трубнымъ голосомъ тѣни умершихъ предковъ, для показанія намъ истинныхъ, но отъ времени нѣсколько сглаженныхъ путей государственныхъ, мы обращаемся къ исторіи отечественной, и будемъ отыскивать прирожденное человѣчеству, божественное начало, идею верховной власти въ личныхъ представителяхъ; это талисманъ нравственной, политической и гражданской свободы каждаго человѣка. Безъ государства жить нельзя, ни отдѣльному человѣку, обособленному отъ всѣхъ, ни члену союзовъ. Слѣдовательно, нашъ розыскъ имѣетъ характеръ *святаго дѣла* (la cause sainte); а святое дѣло само собой строится на Руси. Здѣсь я не болѣе, какъ простый, недостойный органъ, которымъ возвѣщается высокая судьба нашего народа.

Въ исторіи русской, особенно древнихъ временъ, ощутителенъ великій недостатокъ въ *типическихъ* формахъ, въ которыхъ бы отражались, виднѣлись чистыя юридическія понятія; во *внѣшнемъ* и *внутреннемъ* ея объемѣ неизвѣстны, или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ темны многія стороны: такова, по преимуществу, *до-варяжская эпоха*. Изъ временъ историческихъ, въ литературѣ уцѣлѣла почти одна вещественная, грубая оболочка, которою покрывалось тогдашнее общество, а духъ неосязаемъ. По сердечной простотѣ, и дѣтской наивности, а, быть можетъ, и по глубокой хитрости, *старики* наши наговорили много, слишкомъ много противъ себя самихъ, и тѣмъ подали поводъ новымъ грознымъ судіямъ къ обвиненію, къ нравственному и политическому осужденію всей ихъ жизни. Одна величайшая, неизвинительная съ ихъ стороны оплошность,

---

(1) «Datur hæc venia antiquitati, ut, miscendo humana divinis, primordia urbium augustiora faciat. Et si cui populo licere oportet consecrare origines suas et ad deos referre auctores, ea belli gloria *est populo romano*». Livii Historiæ, præfatio.

если только они предчувствовали появленіе новаго молодаго поколѣнія на русской землѣ,—это—неосторожное ихъ обращеніе съ своимъ языкомъ: не безъ причины же онъ сравнивается *съ ножемъ*, *которымъ опасно играть ребенку*. Невещественныя, вѣчныя, свѣтлѣйшія идеи власти, суда, правъ и обязанностей государственныхъ, они влили, какъ *жидкость* какую, въ вещественные, скудельные сосуды, наложили на нихъ знаки гражданскихъ, мѣновыхъ цѣнностей, и въ такомъ рыночномъ, торговомъ облаченіи, передали ихъ намъ, какъ наслѣдство *опальное*. О хитрые старики! По дѣломъ васъ называлъ царь Іоаннъ Васильевичь *крамольниками!* Задали вы задачу молодому русскому поколѣнію, связали исторію свою въ *Гордіевъ узелъ, а концы бросили въ воду*. Изволь теперь разбирать ваше тяжебное дѣло.

И такъ въ наукѣ юридической не только возможны различныя, и даже противоположныя воззрѣнія на старую Русь, но необходимы, неизбѣжны; и особенно въ той области, которая имѣетъ высшій, идеальный, невещественный типъ: я говорю *о государственномъ правѣ*.

Наша наука *историческая* стоитъ еще на незначительной степени литературнаго своего совершенства, и слабо, невѣрно, неполно передаетъ политическія мысли великаго и дѣятельнаго народа. Но таковъ удѣлъ всѣхъ могущественныхъ организмовъ: *духовная* сторона тускло просвѣчивается сквозь густую массу событій и дѣйствій, которыми наполняетъ этотъ организмъ всю поверхность своей исторіи; ключемъ бьетъ жизнь изъ всѣхъ его отверстій; какъ вода, выступившая изъ своихъ береговъ, она разливается по различнымъ каналамъ, и часто уходитъ въ какіе-то потаенные, неразгаданные водоемы,—а идеи жизни едва едва выясняются, и то, какъ отсталые, запоздалые путники,—сопутствуютъ и освѣщаютъ пройденные пути народа. Я люблю брать уроки изъ исторіи римскаго народа. Какъ поздно лучь науки сталъ освѣщать эту міровую исторію; почти на закатѣ политическихъ дней народа, духъ народный искалъ непосредственной, живой и всецѣлой дѣятельности, и въ этомъ *драмматическомъ* настроеніи, онъ не могъ, не умѣлъ въ себѣ сосредоточиться, изъ группы событій вывести опредѣленныя, сознательныя понятія: рефлексія разсудочная свидѣтельствуетъ уже о зрѣломъ, полномъ возрастѣ человѣка, почти граничитъ къ выходу его въ другое состояніе.

И въ *русскомъ народѣ*—много сторонъ, напоминающихъ намъ этотъ *античный* прототипъ; но не пришло еще время выяснить его, и указать на многознаменительное его значеніе въ исторіи новаго человѣчества; не безъ особенной *философической* причины, великій *Гегель* не умѣлъ вдвинуть исторію русскую въ свою тройственную систему: ибо рамки его узки для насъ.

И такъ съ одной стороны, великое и многостороннее значеніе народа, а съ другой—юное, дѣтское состояніе науки даютъ нѣкоторое право на снисхожденіе и благодушный пріемъ всѣхъ литературныхъ операцій, которыя совершаются въ наше время надъ этимъ громаднымъ организмомъ. Не съ ожесточеніемъ, но съ любовію и кротостію, критика должна прозносить относительную и сравнительную оцѣнку этихъ оперативныхъ пріемовъ. Труды г. Чичерина, не смотря на методическую неправильность, всегда возбуждаютъ во мнѣ глубокое уваженіе; уже плодотворны они и потому, что вызываютъ новую дѣятельность, — а такими вызовами условливается движеніе науки.

Предпринимая свой собственный аналитическій актъ надъ *государственнымъ организмомъ*, я подвергну его юридическому сѣченію только въ выпуклыхъ, болѣе мягкихъ и рѣзкихъ мѣстахъ, такъ сказать, на конечныхъ линіяхъ, отдѣляющихъ одинъ возрастъ отъ другаго. Слѣдовательно мой пріемъ можно назвать *физіологическимъ оставомъ, чертежемъ*, въ которомъ раскинутъ планъ государственнаго строенія Россіи—отъ первыхъ видимыхъ основъ до настоящаго времени. Моя цѣль возстановить, по крайнему моему разумѣнію, *физіономію* народа, какъ государства, представить въ преемственномъ движеніи *типы—лики*, которые она воспринимала, во времени, не болѣе. Какая овальная форма была у того, или другаго типа, какія стороны получали бо̀льшій или меньшій размѣръ въ историческомъ развитіи—этотъ предметъ вовсе выходитъ изъ плана моего созерцанія; да, признаться надо, я и не слишкомъ силенъ въ знаніяхъ, нужныхъ для такого дѣла.

Но если индивидуальные, простые человѣческіе организмы имѣютъ чрезвычайно свободное, своеобразное развитіе, и, по различнымъ препятствіямъ, не всѣ его части выдаются наружу въ одинаковой пропорціи въ извѣстное время: то что же должно сказать объ организмахъ народныхъ? И по преимуществу, о *Русскомъ народѣ*—своеобразнѣйшемъ и единственномъ въ исторіи человѣчества?

Съ *четырехъ* сторонъ мы посмотримъ на *государство* Россійское, и въ *четырехъ* разрѣзахъ сдѣлаемъ общую повѣрку спорному дѣлу, какимъ началомъ жилъ и управлялся народъ русскій, *владычествомъ*, или *господствомъ*. Для сообщенія пластическаго вида оперативному акту, я употребляю *форму вопроса*, въ которую и вставляю основную идею, подвергая ее историко-юридическому анализу.

Начинаемъ съ перваго, главнѣйшаго государственнаго института, безъ котораго немыслимо вообще государство, а у насъ вся исторія необъяснима, съ *верховной власти*, имѣющей *личное*, живое бытіе.

1. Былъ ли царь въ Россіи? Новые историко-юристы *утвердительно отрицаютъ* существованіе его до московскихъ государей; они говорятъ, что было ихъ многое множество у насъ, да не цари, а *помѣщики*. Извинительно, если при такомъ представленіи невольно сотворишь *крестное знаменіе*. Насъ учили наши добрые учители, что не только у народа есть царь, но и у всякаго человѣка есть свой собственный царь, имѣющій престолъ свой въ головѣ; что безъ царя, и народу, и отдѣльному лицу, жить нельзя: надъ нимъ, какъ надъ сумасшедшимъ, или дуракомъ, насмѣхаются всѣ; даже мальчики указываютъ пальцами на такое несчастное божіе созданіе, приговаривая—*у него нѣтъ царя*. И такъ, господа, дѣло наше получаетъ какъ будто характеръ личной обиды, а слѣдовательно подлежитъ суду; впрочемъ, не бойтесь этого суда; онъ не имѣетъ ни уголовнаго, ни полицейскаго, ни даже гражданскаго—исковаго характера, а есть чисто-литературная тяжба: *преніе ученыхъ*. Въ случаѣ обвиненія, или оправданія мы—тяжущіеся не взыщемъ другъ съ друга ни проторей, ни убытковъ: довольно побѣдителю въ успокоеніе и того труда противника, который сдѣланъ по напрасну.

Народъ есть живой организмъ, а не отвлеченное понятіе; слѣдовательно долженъ имѣть голову. Но у всякаго живаго существа, разумнаго и неразумнаго, голова имѣетъ опредѣленное и неизмѣняемое мѣсто, и обращена къ верху, къ небесной атмосферѣ, какъ бы свидѣтельствуя тѣмъ свое высокое происхожденіе и повиновеніе своему создателю и царю; если у нѣкоторыхъ животныхъ мы замѣчаемъ наклоненіе головы къ землѣ, то, безъ сомнѣнія, это было дѣло человѣческаго воспитанія; но и подъяремное животное, измученное служеніемъ своему господину, изрѣдка воспринимаетъ возвышенную

фигуру, и поднимаетъ свою голову къ верху. Организмъ народный имѣетъ особенное устройство и форму; мѣсто головы какъ-то непостоянно; въ одно время она находится въ нижней части организма, въ другое—въ средней, или высшей, а иногда она оказывается на боку; что касается до *формы* этой головы, то она чрезвычайно разнообразна, подвижна, однимъ словомъ, состоитъ въ непрерывномъ прогрессѣ. Не здѣсь ли заключается настоящая причина, почему наши слѣдователи не видятъ головы и царя, въ ней засѣдающаго, въ народѣ русскомъ почти до XVIII вѣка?....

Впрочемъ, при всей своей плавильности въ формахъ, типъ головы всегда остается неизмѣннымъ, человѣческимъ; слѣдовательно, и типъ царя никакою силою не можетъ быть изуродованъ до превращенія его въ простаго землевладѣльца и хозяина. Наши молодые ученые выкроили себѣ понятіе о формѣ и свойствѣ царской власти по какому-то заморскому рисунку, да съ этою узкою мѣркою и ходятъ по русской землѣ, прикидывая ее къ различнымъ учрежденіямъ и временамъ; наконецъ, замѣчая, что они не подходятъ подъ мѣрку ихъ, не укладываются въ узкой, скудной формѣ, даже и несціентифической, рѣшительно отвергли присутствіе личной верховной власти въ исторіи Россіи. Но не забудьте, господа, что Россія есть своеобразнѣйшій, свободнѣйшій организмъ, какого никогда не бывало ни въ старомъ, ни въ новомъ свѣтѣ, и что ликъ русскаго царя есть единственный во всемъ человѣчествѣ: такихъ царей нѣтъ и не было на Западѣ: тамъ земля узка для него. Царь для Россіи есть такая стихія, которою она живетъ и дышетъ, и безъ которой она подлинно, дѣйствительно походила на такого человѣка, на котораго мальчики съ дѣтскою ироніею указываютъ пальцами: *у него царя нѣтъ въ головѣ.*

Неужели позабыли вы тѣ страшныя времена, и тѣ чудовищныя, почти полуживотныя стенанія всего умирающаго русскаго народа, когда затерялся нашъ природный, малолѣтній царь?... Царь есть мысль, идея, слово всей нашей исторіи; безъ этой личной мысли необъяснимы всѣ происшествія, всѣ дѣйствія народа русскаго; присутствіе этого живаго слова ясно, рѣзко отмѣчено на каждой страницѣ нашего дѣеписанія; а кто не умѣетъ читать этой книги, по безграмотности, тотъ носитъ въ своемъ сердцѣ эту стихію, какъ питающую, грѣющую и охраняющую все его земное, гражданско-человѣческое бытіе: есть у насъ другая, могущественнѣйшая стихія,

но для другаго элемента русской природы назначенная, это наша *Православная вѣра*. Какимъ же образомъ возможно не видѣть и не чувствовать силы и дѣйствія этой первозданной нашей стихіи въ исторіи? Если вы, въ непостижимомъ для меня ослѣпленіи, вѣроятно происшедшемъ отъ вліянія иноземныхъ книжныхъ теорій, не умѣете протолковать намъ нашей исторіи по нашему народному складу, и не можете отыскать въ ней нашего царя, дающаго ей смыслъ и жизнь, то я вамъ его укажу. И такъ приступимъ къ операціямъ.

I). Подвергаемъ аналитическому сѣченію этотъ живой организмъ-народъ въ самомъ первомъ дѣтскомъ возрастѣ — при первомъ нашемъ *царь-князь*; посмотримъ, какой элементъ въ немъ господствуетъ.

Всѣ народы имѣютъ двѣ эпохи своего бытія: до-государственную и государственную. Вступленіе ихъ во вторую эпоху — есть первый годъ личнаго ихъ бытія. Нашъ русскій государственный годъ отмѣченъ въ лѣтописи, 862-й. Событіе, тогда случившееся, имѣетъ *типическій характеръ*.

Не мое дѣло изслѣдовать, откуда взялась Русь, какою формою обозначился ея первоначальный бытъ — *родовою* или *общинною*, въ какихъ органахъ выражался и поддерживался общественный порядокъ, судъ, расправа, управленіе и т. д. Но я коснусь въ этой темной эпохѣ только того, что мнѣ нужно для моей цѣли. Безъ верховной власти, проявляемой въ личныхъ, опредѣленныхъ представителяхъ — народу нашему и въ эти древнѣйшія, полуисторическія времена жить было невозможно; она хранила его отъ физическаго и нравственнаго разрушенія; иначе крѣпостные владѣльцы, въ древнія эпохи вездѣ слишкомъ грозные, непремѣнно замучили, изувѣчили бы весь народъ — выгоняя его на египетскую работу; а сами по доброй волѣ никогда не отказались бы отъ такого выгоднаго самовластія. Далѣе, органы эти отдѣлились отъ естественнаго сочлененія съ первоначальными союзами, и получили свободный, политическій характеръ; это уже не естественные властелины — домовладыки, родоначальники, жрецы. Читая *актъ призванія по Карамзину*, мы видимъ три элемента, въ юридическомъ соотношеніи находящіеся: элементъ какъ бы *монархическій* — въ старѣйшинѣ, *аристократическій* — въ боярахъ и *демократическій* — въ народѣ, гражданахъ (1). Отъ различныхъ причинъ, мало извѣстныхъ, органы вер-

---

(1) Исторія Государства Россійскаго, изд. *Эйнерлинга*. Томъ I, глава 4.

ховной власти пришли въ историческую несостоятельность, въ силу которой открылся во всемъ тогдашнемъ быту всеобщій *безпорядокъ*. Безпорядки вездѣ по временамъ бываютъ. Этотъ общественный безпорядокъ вызвалъ въ древнѣйшей Руси живую потребность къ перемѣнѣ прежнихъ личныхъ органовъ, къ сосредоточенію верховной власти, которая вѣроятно разошлась по разнымъ линіямъ, въ болѣе могучемъ и опредѣленномъ, какъ бы индивидуальномъ, лицѣ — *царь*.

И вотъ въ исторіи Россіи совершается величественный, многознаменательный актъ. Всѣ лучшіе люди тогдашняго общества, стоящіе во главѣ управленія, предпринимаютъ неслыханное нигдѣ, а намъ весьма понятное, путешествіе за море, пускаются съ благословенія старыхъ славянскихъ боговъ въ путь дальній, невѣдомый и опасный, и на чемъ же? *на утлыхъ ладьяхъ* — искать себѣ царя; и при первой высадкѣ на берегъ, при первой встрѣчѣ съ живымъ человѣкомъ, предложили русскій престолъ тремъ, доселѣ никому неизвѣстнымъ, безземельнымъ и горемычнымъ братьямъ — *Рюрику, Синеусу* и *Трувору*, откровенно сознаваясь предъ ними, что у насъ, по божіей милости, все хорошо, всего вдоволь, *да порядка нѣтъ*.

И такъ, не отъ радости, а отъ невыносимаго горя и бѣды, не отъ пресыщенія и крамолы боярской, а отъ первѣйшей потребы всего народа въ присутствіи личнаго царя, предпринято было это знаменитѣйшее, *типическое* путешествіе. Съ первой, такъ сказать, страницы Русское государство является уже необыкновеннымъ, своеобразнымъ и могущественнѣйшимъ организмомъ. Обращаясь къ исторіи древней, замѣчаемъ другой типъ: тамъ государства, большею частію, образовались *колоніальнымъ путемъ, высадкою на чужую землю* извѣстной племенной ватаги, и основаніемъ на ней своего исключительнаго политическаго и гражданскаго быта: но не надобно забывать, что это были *городовыя государства*, а не *земскія*. Никакая высадка, положимъ, самаго огромнѣйшаго размѣра, подобная новѣйшей — *Севастопольской*, не могла обхватить всей русской земли, и разложить народный элементъ, своимъ собственнымъ, пришлымъ слоемъ. А на *утлыхъ ладьяхъ* — нельзя переплыть цѣлому народу, съ одного морскаго берега на другой, и притомъ при такихъ *кормчихъ*, каковы были наши русскіе посланники.... При малѣйшемъ своевольствѣ первой — до-рюриковской экспедиціи, указана была ей обратная дорога. *Идея гостя* есть главная, почти единственная, во всемъ литературномъ типѣ первыхъ норманскихъ князей.

Политическая исторія народовъ, точно такъ же какъ и *христіанская,* имѣетъ свой свѣтлый, какъ бы воскресный день. Нашъ политическій день, въ которой Россія получила новое, государственное бытіе, извѣстенъ только, какъ *годъ: 862-й,* и то по переводу нашего рожденія на византійскій календарь. Съ восходомъ солнца на Русскую землю, высадился на берегъ — нашъ дорогой гость, *царь;* къ обѣду прибылъ онъ въ *Новгородъ,* но не для постояннаго тамъ пребыванія, а для временнаго отдыха; къ *вечеру,* довольный нашимъ хлѣбомъ-солью, и убѣдившись въ способностяхъ народа къ государственной жизни, издалъ милостивый *манифестъ,* въ которомъ объявилъ въ первый разъ *земскій міръ* (Landfriede), нарядилъ *новый* порядокъ, а *старому,* со всѣми человѣческими слабостями, враждами, заблужденіями и преступленіями, быть можетъ, еще не наказанными, высказалъ полную *амнистію.*

И *народъ Русскій* — съ этимъ личнымъ водителемъ и пѣстуномъ, какъ будто разомъ выросъ. Въ одну тихую, замиренную, безмолвную ночь, на свѣтлый день, показалось видимое, рѣшительное, послѣднее движеніе въ утробѣ Россіи живаго младенца мужскаго пола. Къ *утру* онъ явился на свѣтъ божій; къ *обѣду* выросъ и окрѣпъ такъ, что могъ служить великому званому гостю, и даже участвовать съ нимъ въ общей государственной трапезѣ; а къ *вечеру,* по прочтеніи манифеста, испросилъ у всѣхъ собратовъ своихъ прощенія въ своихъ слабостяхъ и гражданскихъ обидахъ, и самъ, все простивши, совершилъ благоговѣйную жертву по своей языческой вѣрѣ, приготовляясь въ путь; русскій гражданинъ сталъ спокойно препоясываться, какъ воинъ государственный, надѣлъ на себя всѣ бранные доспѣхи, и съ вѣрою и любовію вступилъ въ великую, трудную и опасную службу государству, отечеству. И съ той поры Россія получила имя и мѣсто въ системѣ государствъ, и сохраняетъ этотъ титулъ до сего времени, никѣмъ не будучи разжалована, если только покушенія молодаго русскаго поколѣнія не считать дѣйствительнымъ актомъ, что и справедливо по самому существу дѣла.

Рюрикъ — это *Ромулъ* Русской земли, полубогъ, нашъ первый царь-батюшка; въ немъ виденъ величественный, художественный типъ царской, государственной идеи, во многихъ отношеніяхъ сходный съ *античными* типами, напримѣръ, съ *римскимъ* (1). Не-

(1) *Примѣчаніе.* Въ моемъ духѣ носится нѣсколько *типическихъ образовъ* изъ русской политической исторіи, давно уже мною начертанныхъ, и

ужели до сихъ поръ не догадались, что Рюрикъ есть не только *физіологическое*, индивидуальное лицо, но и *генерическое:* ибо двѣ субстанціи въ одномъ лицѣ всегда возможны, но въ извѣстномъ подчиненіи; и вообще типическая фигура безъ живаго субстрата немыслима въ конструкціи. Всматривайтесь ближе, глубже, со всѣхъ сторонъ, въ этотъ величественный ликъ. Не бойтесь какихъ нибудь недоразумѣній: наука не уничтожитъ живаго, историческаго существованія Рюрика; но его человѣческій, какъ бы естественный, видъ

даже загрунтованныхъ, но не совсѣмъ отдѣланныхъ. Таковы: 1, типъ *царя-князя*, — въ лицѣ Рюрика: 2, типъ *государя московскаго*, — въ лицѣ Іоанна III; 3, типъ *Византійскій* — въ лицѣ Константина великаго (или Палеологовъ), 4, типъ *монгольской* — въ лицѣ Чингисъ-хана или Батыя; 5, типъ *Грознаго*, представляющій неразгаданное сліяніе въ одной личности всѣхъ прежнихъ типовъ, съ присоединеніемъ новаго, какъ будто не *русскаго* элемента; 6, типъ *Лже-царя* въ лицѣ самозванца *Отрепьева;* типъ императора всероссійскаго въ лицѣ *Петра I* и *Екатерины II:* двѣ эти великія личности взаимно себя пополняютъ, и сообщаютъ нашему государству новую, полную физіономію. Но оттискъ этихъ типовъ я долженъ отложить до другаго свободнаго времени: ибо у меня давно уже просятся на волю, въ свѣтъ божій, мои любимые, *античные невольники.* Поэтому, я, вслѣдъ за окончаніемъ *критическаго* анализа надъ главными юридическими началами русской исторіи, приступлю къ этой, болѣе мнѣ подручной работѣ; разложивши моихъ гостей по одиначкѣ, на четырехъ блюдахъ, отчасти уже русскаго, не-античнаго мастерства, я буду имѣть честь предложить ихъ просвѣщенному обществу въ снѣдь: на *первомъ* блюдѣ поднесенъ будетъ *древній рабъ*, на *второмъ* — *кабальный*, на *третьемъ* — *кліентъ*, на *четвертомъ* — *крѣпостный человѣкъ*. Всѣ живые! На вопросъ, естественно возбужденный при этомъ словѣ въ каждомъ читателѣ, откуда могъ я добыть ихъ живыми, имѣю честь отвѣтствовать, что это — секретъ *новѣйшей историко-органической школы*, недавно полученный мною изъ-за границы, и повѣренный на дѣлѣ. Если кто нибудь изъ моихъ читателей такъ благовоспитанъ, что не можетъ, безъ отвращенія, посмотрѣть прямо на обезображенный ликъ человѣка, человѣческою же рукою изуродованный — вѣдь *не дикой звѣрь искусалъ его;* того предувѣдомляю, что мои невольники были сами преблаговоспитанные молодцы, пріучены къ порядку, чистотѣ и какъ будто свободному повиновенію; ибо они служили такому великолѣпнѣйшему *вельможѣ*, какихъ нигдѣ и никогда въ новомъ мірѣ не бывало, *античному римскому гражданину*. Между кліентами, вы увидите учителей, поэтовъ, риторовъ, художниковъ, артистовъ; между *рабами* встрѣтите *богачей*, у которыхъ были свои собственные рабы. Пусть они погуляютъ по божьему христіанскому міру, посмотрятъ на всѣ историческія состоянія новаго, *свободнаго*, *искупленнаго* человѣка; быть можетъ, совершая это странствіе, они наконецъ остановятся на одной успокоительной мысли, что *неволя есть міровый рокъ*, и что *древняя* неволя была, во многихъ отношеніяхъ, мягче, естественнѣе, *гуманнѣе*, нежели кабала новаго *вольнаго*, христіанскаго человѣка. Гдѣ я отведу имъ литературную землю для прогулки, еще не рѣшено.

украситъ новою типическою формою, и возведетъ его въ родоначальники Россіи государственной. Какъ отъ *Ромула* Римъ производилъ свою родословную, въ *политическомъ*, а не *естественномъ* смыслѣ: такъ *Россія* ведетъ свое *политическое* бытіе отъ *Рюрика*. Весь *естественный* или *фактическій* элементъ въ этомъ типическомъ лицѣ подчиненъ *юридическому*, или *государственному*. *Генеалогіи* Рюрика, съ мѣстнымъ и личнымъ процессомъ, мы не знаемъ, а слѣдовательно и не можемъ удовлетворить сердечной личной потребности почтить тѣлеснымъ образомъ память нашего основателя государства, перваго уставщика новаго *порядка*, до него неслагавшагося.

Все, что составляетъ жизнь естественнаго человѣка, выброшено въ фигурѣ *Рюрика*: въ лѣтописной рефлексіи господствуетъ величавый ликъ царя; братья вскорѣ умерли, а ему Богъ русскій далъ, (неизвѣстно даже имя первой царицы-матушки, не Россія ли это?) единороднаго сына *Игоря*, за малолѣтствомъ—до времени въ управленіи замѣненнаго *Олегомъ*. — Кто былъ этотъ великой *думникъ*, давшій первый совѣтъ боярамъ и народу призвать къ намъ царя—гостя? *Гостомыслъ*. Но какой художественный полетъ въ юридическомъ созерцаніи первой идеи о государствѣ и о государѣ!

Какой типъ политическій у нашего перваго царя?

Типическія фигуры вообще многознаменательны и для анализа юридическаго довольно затруднительны. Надобно имѣть чутье и навыкъ въ разборѣ ихъ. Впрочемъ, *воинственной*, а за нею *вотчинно-владѣльческой* физіономіи, которую налагаютъ молодые историки на нашего *Рюрика*—родоначальника, а съ нимъ и на весь удѣльный княжескій періодъ, я, признаюсь, вовсе не замѣчаю. Да она не могла и появиться: ибо не было *субстрата* для такой рефлексіи; а безъ субстрата не льзя составить типа. Какимъ образомъ физіономія *званаго гостя*, сопровождаемаго малою дружиною, нашедшаго сердечный и всеобщій пріютъ въ народѣ Русскомъ, могла превратиться въ *завоевателя*, или еще ужаснѣе, въ *Фараона* Русской земли? У лѣтописца нашего былъ удивительный, высокій талантъ! Взявши типическій образъ изъ преданія народнаго, онъ не искажаетъ его своимъ разсудочнымъ *прагматизмомъ*, какъ поступилъ съ римскими *мифическими* преданіями ученѣйшій древній археологъ—*Діонисій Галикарнасскій*. Нашему великому *Нестору*—дивному и несравненному *исторіографу*, мы должны съ умиленіемъ

поклониться, и свято чтить литературную его память! Все ненужное для государственнаго лика, быть можетъ, въ *народномъ* преданіи хранимое въ различныхъ формахъ, онъ выбросилъ изъ исторіи *Рюрика*, и самъ ничего отъ себя не прибавилъ: ибо этотъ типъ священный. Мнѣ кажется, что онъ пропустилъ его сквозь призму своего ума, безъ всякаго сознанія, какъ *глаголъ историческій*, и въ этомъ смыслѣ—опять *Несторъ* великъ.

Дальнѣйшая обстановка первыхъ нашихъ князей, на мой взглядъ, достойна новаго, болѣе глубокаго, историко-критическаго и всестонняго созерцанія. Останавливаясь на однихъ *типическихъ* пріемахъ лѣтописи, я вижу быстрое, и какъ будто, послѣдовательное, движеніе личнаго верховнаго начала къ дѣйствительному полному историческому лику. Имена первыхъ князей (Рюрикъ, Олегъ, Игорь) въ грамматической конструкціи темныя, въ дальнѣйшемъ ходу просвѣтляются, воспринимаютъ русскій складъ, и предъ великимъ моментомъ вступленія Россіи въ семью христіанскихъ народовъ, обозначаютъ наше славное, міродержавное значеніе: *Ольга*—служитъ какъ бы *антрактомъ* въ высокой христіанской драммѣ, а великій князь *Владиміръ*—героическимъ лицомъ въ этой исторической поэмѣ. Я набрасываю здѣсь идеи, въ формѣ предчувствій историческихъ, задавая тѣмъ новую работу для нашихъ многоуважаемыхъ и трудолюбивѣйшихъ историковъ; быть можетъ, простые намеки наведутъ ихъ на какія нибудь глубокія соображенія. Вездѣ лучь науки сперва просвѣчивался въ слабыхъ, и даже отрывочныхъ мерцаніяхъ.

2.) *Періодъ удѣловъ* «вторый возрастъ идеи владычества въ нашей исторіи». Верховная власть, какъ идея, уподобляется солнечному лучу, различно преломляемому въ человѣческихъ обществахъ, и получающему отъ того различные отливы. У насъ, въ Россіи, этотъ лучь преломился въ формѣ *радуги*, обхватившей всю землю Русскую, отъ начала до конца, но не вдругъ. Не разомъ эта дивная *семицвѣтная дуга* раскинулась по русскому небосклону, и возвѣстила народу божіе благоволеніе. Вмѣстѣ съ *княземъ* — личнымъ водителемъ — освѣщается и распознается Русь, какъ личное, индивидуальное существо; съ нимъ она имѣетъ пространство и время, и вотъ началось замѣчательнѣйшее путешествіе личной верховной власти по необозримой, темной, неизвѣстной, необмежеванной равнинѣ. Вмѣстѣ съ политическимъ родоначальникомъ, политическая Русь разрастается на нѣсколько отдѣльныхъ *семействъ*, каждое съ

своимъ хозяиномъ—домовладыкой; единая идея государства отливается въ нѣсколькихъ тѣлахъ; каждому тѣлу нужно пространство *территоріальное*, гдѣ духъ государственный долженъ дѣйствовать исторически. Вотъ физіологія нашихъ *удѣловъ*! Въ процессѣ разрастанія государственной Россіи отразился, повторился, во всемъ яркомъ величіи, обыкновенный *процессъ духа человѣческаго*, выходящаго изъ своего первоначальнаго и непосредственнаго единства, и разрѣшающагося на отдѣльные акты мыслей, вѣрованій, чувствованій и дѣяній, по видимому, не имѣющихъ между собою никакой органической связи, и даже состоящихъ не рѣдко въ рѣшительной борьбѣ и противорѣчіи. Чѣмъ сильнѣе и сложнѣе физіологическій организмъ, тѣмъ шире, крупнѣе разбрасывается духъ его на поверхности исторіи, такъ что изъ одного такого человѣка, богатой, благословенной натуры, въ порѣ молодости, можно выкроить *десять, двадцать* отдѣльныхъ лицъ, назначивши каждому изъ нихъ опредѣленную часть, вынятую изъ всецѣлаго и нераздѣльнаго организма, и эта часть достаточна, чтобы составить *мелкую* личность, могущую существовать самостоятельно до опредѣленнаго времени. Бываютъ личности живыя, которыя гораздо бѣднѣе нашей выкроенной разсудочною мѣркою мелкой личности: здѣсь я имѣю въ виду и *физическія*, и *политическія* лица. И такъ не кара божія, а особенное небесное благоволеніе лежитъ на нашемъ *удѣльномъ* періодѣ; только надобно умѣть прочитать эту таинственную книгу судебъ нашего отечества.

Пластическій видъ земли Русской не совсѣмъ благопріятенъ для скорой цивилизаціи; передовые выходцы въ Европу заняли лучшія мѣста, ближе подошли къ центру всемірнаго владыки; наши старики *славянскіе* гдѣ-то заболтались, заглядѣлись, вѣроятно, на колоніи римскія, красовавшіяся на восточной полосѣ (въ *Дакіи* и др.), и не посцѣли къ дѣлежу Западной Римской имперіи со всемъ ея несмѣтнымъ достояніемъ. Но мы никому и ничему не завидуемъ: довольны своимъ божественнымъ *урокомъ*. Занявши неизмѣримое земельное пространство, для своего земнаго служенія общечеловѣческимъ идеямъ, безъ всякихъ выпуклостей, имѣя только по нѣкоторымъ, слишкомъ отдаленнымъ окраинамъ естественныя границы, духъ русскій не могъ имѣть свободнаго движенія, не могъ останавливаться въ своемъ полетѣ на извѣстныхъ высотахъ, а слѣдовательно для развитія его не доставали *моменты*—эти *внутренніе возрасты*. Если мы этотъ духъ народный представимъ въ формѣ *вели-*

чины, или *тѣла*, то онъ не могъ сознать, освоить и сродниться со всѣми его частями, разложившимися свободно и привольно по земельной равнинѣ: безъ сомнѣнія, части единаго народа Русскаго стояли внѣ всякаго взаимнаго соприкосновенія, даже безъ сознанія своего органическаго единства. Такимъ образомъ, подобно человѣку, Русь разметалась, и отлилась въ особыхъ территоріальныхъ государствахъ. *Удѣлы-княженія* были тѣ разграничительныя *линіи*, которыя въ первый разъ прорѣзаны были по неизмѣримой равнинѣ, и раздѣлили ее на опредѣленныя *политическія величины*; съ ними прорѣзанъ былъ и организмъ народа Русскаго, испыталъ великую, трудную, но необходимую *операцію*, и тогда же почувствовалъ отъ боли, причиненной разрѣзомъ нехудожественной руки, въ первый разъ единство свое, и созналъ свою цѣлость. *Условіе* къ единой Россійской имперіи лежитъ въ *удѣлахъ*.

Подобныя формы политическаго возраста замѣчаются и у другихъ народовъ, призванныхъ къ великой дѣятельности. Я обращу вниманіе читателя на *греческій міръ*. Прошедши начальныя, темныя, полуисторическія состоянія, *эллинскій духъ*, въ поэтическомъ отношеніи выше всѣхъ стоящій, начинаетъ раскидываться по древнему міру съ необыкновенною игривостію и пластичностію формъ общественныхъ, обозначается то въ крупныхъ, то въ мелкихъ, *автономическихъ муниципіяхъ*, вступилъ въ рѣзкую борьбу съ самимъ собой, думая впрочемъ, что одно государство враждебно другому, какимъ-то рокомъ гонимый, устремился къ *гегемоніямъ*, погрузился въ индивидуальныя личности, разнеся по всему міру — Азіи и Африкѣ, по морю и сушѣ—знамя наукъ, искусствъ, торговли и политической свободы, и этимъ міровымъ дѣломъ занятый, какъ поэтъ и философъ, а не *собиратель государственный*, вовсе не примѣтилъ, что на него уже натянулъ злой и меткой *македонскій стрѣлокъ* убійственную стрѣлу, и метитъ ему прямо въ голову. Счастіе для *Греціи*, что она, какъ военноплѣнная, перешла вскорѣ на руки образованнѣйшаго и благодарнаго своего повелителя *Александра*, и успѣла на время отдохнуть отъ нанесеннаго удара. Но перешедши на руки къ другому величайшему повелителю—*Риму*—она глубоко поняла свою политическую неосторожность и молодость; но другой, высшей поры, сосредоточенности не назначено было Греціи. Главнокомандующій римскій консулъ *Муммій*, разрушивши *Коринѳъ* въ 146 г. до Р. Х., взялъ всю Грецію на капитуляцію, и подписалъ этотъ

ужаснѣйшій статутъ новаго ея положенія, извѣстный подъ именемъ: *Lex Миттіа* (1). Но и *Риму*, въ свою очередь, придетъ достойное возмездіе отъ руки варваровъ.

3.) Но изъ этого юношескаго, удѣльнаго возраста мы вступаемъ въ *3-й возрастъ.* Приходя въ новую пору возраста зрѣлаго, индивидуальный человѣкъ начинаетъ *округляться* со всѣхъ сторонъ: разбросавшись, во всемъ своемъ существѣ, онъ наконецъ сосредоточивается, и вотъ совершается въ немъ величайшій *актъ*, видимый и невидимый. Все потянуло къ центру, къ типу личному; все наростаетъ, видоизмѣняется, одно уничтожается, другое какъ бы вдругъ выходитъ наружу, все сростается въ одну физіологическую *единицу;* а знаменемъ ея *лицо*—эта печать божественная, отмѣчающая одно созданіе человѣческое отъ другаго подобнаго. Такая пора была и у насъ въ *отечествѣ,* въ *государетвенномъ организмѣ.* Мысль о единствѣ народномъ, какъ будто растерявшаяся по разнымъ территоріямъ, но неизчезнувшая совершенно, наконецъ воспринимаетъ полную форму. Правда, она хранилась въ народной физіологіи, и возвѣщалась явственно, по не убѣдительно для прежняго возраста, въ *единствѣ православной церкви*; видимѣе, тѣлеснѣе она проявилась, въ отношеніи къ *сознательному* нашему духу, въ двухъ *великихъ монархіяхъ — византійской и монгольской,* какъ будто *рокомъ* опредѣленныхъ на нашу службу, быть орудіемъ Промысла. Предъ рожденіемъ Московскаго государства онѣ внезапно разрушились; и вотъ Россія московская объявила себя наслѣдницею двухъ великихъ міровъ. Во избѣжаніе недоразумѣній, могущихъ въ комъ нибудь возникнуть при мысли о такомъ наслѣдствѣ, я утверждаю, что Россія наслѣдовала по *римскому праву*, а не по *германскому*. *У Римлянъ* наслѣдникъ есть одно *юридическое* лицо, въ которое переходитъ типъ *вѣчнаго гражданина;* всѣ корыстныя, вещественныя отношенія (per successionem singularem) отходили къ другимъ, неимѣющимъ чести быть наслѣдниками. И мы наслѣдовали отъ двухъ великихъ монархій одни *государственные типы*, не взявши отъ нихъ никакого другаго достоянія, а, напротивъ, приплативши многое, исполняя ихъ отказы и препорученія (legata et fidei commissa). Отъ *Византіи* мы наслѣдовали *каноническій* типъ, а отъ

(1) О состояніи Греціи подъ владычествомъ Римлянъ—прекрасное сочиненіе *Kuhn,* Beiträge zur Verfassung des römischen Reichs. Leipzig, 1849.

Монголовъ—свѣтскій, самодержавный, преобразовавши его сообразно своему національному элементу. Вотъ гдѣ кроется тайна экономіи божественной, почему мы не призваны были къ раздѣлу *Западной Римской имперіи*. Тамъ и безъ насъ было очень, очень много наслѣдниковъ, законныхъ и незаконныхъ. *Избраніе Москвы* центромъ Русскаго царства не есть дѣло только человѣческое: зная мѣру силъ человѣческихъ вообще, и московскихъ *удѣльныхъ* въ особенности, нельзя объяснить этого міроваго событія только естественнымъ, и даже случайнымъ порядкомъ. Здѣсь видны другія двѣ силы: *физіологическая* и *божественная....* Взгляните на карту Россіи и всѣхъ ея земельныхъ владѣній въ XIV вѣкѣ, и всмотритесь въ ея историческое отношеніе къ тремъ мірамъ *византійскому, восточно-азіатскому* и *западному*, и скажите, гдѣ бы вы избрали видимый центръ государственнаго единства и власти? Въ *Москвѣ*: не даромъ такъ любитъ Москву весь народъ, и назвалъ ее своимъ *сердцемъ*. И Римляне пламенно любили свой *Римъ*, и величали его разными титулами; но этой стороны *сердечной* я нигдѣ не встрѣчалъ у нихъ.

И такъ *голова* у нашего русскаго государственнаго организма, неподвижная и своеобразная, очутилась теперь въ *срединѣ* его, немного повыше, именно тамъ, гдѣ обрѣтается сердце человѣческое: мы дѣлаемъ разрѣзъ поперечный (Durchschnitt). *А гдѣ голова, тамъ и царь*. Находясь въ такомъ превосходнѣйшемъ мѣстѣ, и хранимый народомъ, *паче змія мудраго*, типъ *царя русскаго* разомъ сдѣлался предметомъ глубокой, сознательной мужской любви. Идея царскаго величія, отрѣшившись отъ родственныхъ, физіологическихъ, прежнихъ формъ, воспринимаетъ вдругъ удивительный ликъ. Къ *свѣтскому* ея образу присоединяется *каноническій*. Въ Москвѣ суждено быть государю русскому: это *божественное*, а нечеловѣческое избраніе.

Но вы спросите меня: отъ чего же не въ *Кіевѣ*, или въ *Новгородѣ, Рязани*, или *Твери?* Точно, голова, по моему взгляду, могла быть вездѣ. Но дѣло въ томъ, что она сама себѣ избираетъ мѣсто; человѣкъ здѣсь простое, неразумное, бого-избранное орудіе. Мѣсто, гдѣ она прежде обрѣталась, оказалось слишкомъ открыто для враговъ злыхъ, и далеко отъ высшихъ частей организма; слѣдовательно, при всей *змііной мудрости*, намъ нельзя было со-

хранить эту голову, а съ нею и царя русскаго; притомъ намъ хотѣлось видѣть его вблизи, и на яву доказывать ему безпредѣльную нашу любовь и повиновеніе. Чувства этого, по времени почти молодаго, не могъ умалить въ народѣ самъ *Грозный царь!..* Въ *Александровскую слободу*, гдѣ онъ буйствовалъ и въ тоже время молился, отправляя самъ всѣ низшія церковныя службы, при первой, быть можетъ, *иронической* вѣсти объ отказѣ царя, весь московскій и окольный народъ, уцѣлѣвшій отъ роковой его руки, потянулъ къ нему дивною вереницей, умоляя его съ колѣнопреклоненіемъ о неоставленіи Россіи въ сиротствѣ, и предлагая всего себя на жертву, потому что предъ русскимъ царемъ *всѣ виноваты*, какъ предъ небеснымъ *всѣ грѣшны*. А его царственную отрасль отыскивали мы вездѣ, какъ мать ищетъ единороднаго дѣтища своего; ко всѣмъ обращались, всѣхъ умоляли о выдачѣ намъ нашего природнаго царя, не замѣчая, что надъ нами издѣвались наши злодѣи, и дали намъ *подкидыша*, въ лицѣ *Отрепьева*. Но намъ нужна была тогда небольшая сочность, дабы перевести дыханіе, а она оказалась и въ этой брошенной намъ кости. За то, какъ кавалеры, манерами не ниже *польскихъ* и *нѣмецкихъ рыцарей*, оправившись немного, послѣ такой бѣды, пришедши въ себя, мы умѣли отблагодарить нашимъ благодѣтелямъ; наша первая забота состояла въ устройствѣ судьбы незванныхъ гостей, царицы *Марины* и царя *Григорія*, съ ихъ вѣрною дружиною; это сдѣлали мы по всѣмъ правиламъ, начертаннымъ въ уставѣ рыцарскомъ, сообразно полу и званію каждаго: « *дабы не повадно было*, какъ любили говорить старики наши, и другому выходцу-бродягѣ приходить въ кремлевскія царскія палаты, и пьянствовать въ этой русской святынѣ, какъ въ послѣднемъ позорномъ мѣстѣ ». Понимаете ли, почтеннѣйшіе молодые историки, что затеряться можетъ царь только у такого народа, у котораго онъ одинъ, и за котораго народъ готовъ положить жизнь свою. По человѣческимъ предположеніямъ, подобныя пропажи должны бы повторяться и у другихъ народовъ, на пр., *германскихъ*, гдѣ царей было и есть великое множество, малолѣтнихъ и взрослыхъ. Однако не слышно, чтобы тамъ пропадалъ безъ вѣсти царь, и чтобы народъ отыскивалъ слѣды его, подобно Русскому народу. Что это значитъ?...

Но я, въ преслѣдованіи *государственнаго* начала, сообщающаго отечественной исторіи другую, некабальную физіономію, незамѣтно вступилъ уже на почву замиренія, въ государство *московское*, гдѣ

между мною и г. Чичеринымъ не можетъ быть никакой борьбы: вотъ черта законная, опредѣляющая движенія и порывы критика! Стоя на этой чертѣ, и осматривая пройденное мною политическое пространство, я вдумываюсь снова въ идею нашего государства, и замѣчаю въ немъ нѣкоторую особенность.

Есть въ древней и новой исторіи примѣры, гдѣ идеи политическія какъ бы получаютъ *половый* отливъ, и при томъ нерѣдко съ перевѣсомъ женскаго элемента надъ мужскимъ. У насъ я не вижу этого *антропологическаго* закона; напротивъ, идея мыслится и чувствуется, какъ *сила, власть, могущество, правда, законъ,* а эти свойства всегда отличаютъ *мущину;* въ дѣйствительной исторіи, эта идея отражается въ замѣчательнѣйшемъ перевѣсѣ перваго элемента надъ вторымъ, и въ исключительномъ правѣ власти, и въ семейственной, и въ государственной сферѣ жизни, принадлежащей однимъ мущинамъ. *Женщина* стоитъ у насъ на отдаленномъ, едва видномъ планѣ, — у *очага,* имѣя особое назначеніе согрѣвать и успокоивать дѣйствующаго и охраняющаго ее человѣка на всѣхъ путяхъ его внѣшней жизни; сосредоточенная въ этомъ углубленіи, она чрезвычайно дѣятельна, высока и самодержавна, по крайней мѣрѣ, несравненно выше и могущественнѣе мущины. Русскому человѣку тяжела, несвойственна мелочная, обыденная, хозяйственная часть, и эту часть онъ охотно отдаетъ въ завѣдываніе женщинѣ, подчиняясь всѣмъ уставамъ домашней власти. Но если, по божественному опредѣленію, и женщинѣ — скудельному сосуду, надлежало выдвинуться на сцену политической жизни, то она разомъ облекается въ какіе-то бранные доспѣхи, и ни въ чемъ—ни въ умѣ, ни въ мужествѣ, ни въ зрѣлой опытности,—не уступаетъ даже боевому человѣку. Посмотрите на типъ *Ольги!* Подобную физіономію она имѣетъ, когда выходитъ на чреду *гражданскую,* въ качествѣ опекунши малолѣтнихъ дѣтей, хозяйки дома и т. д. Здѣсь она становится *полноправнымъ лицомъ. Рыцарей* у насъ нѣтъ; за то весь народъ храбрый и непреклонный въ своей волѣ. Мы любимъ живую, личную, но законную власть; къ отвлеченнымъ формамъ какъ-то не склонны, да онѣ и не удавались намъ изстари.—Я хочу закончить разсматриваемый мною предметъ одною мыслію, которая, вѣроятно, въ читателѣ произведетъ улыбку. Если вообще есть какое-то сходство между Русскимъ и Римскимъ народомъ, то не близкіе ли мы родственники,—только запамятовали свое родство, и, по внут-

ренпему самодовольствію, не отыскиваемъ своихъ наслѣдственныхъ правъ?... Но я и самъ улыбаюсь при этомъ оборотѣ мысли.

Теперь мы переступаемъ на *Русскую землю,* съ факеломъ въ рукахъ, зажженнымъ наукою, отыскивать *Фараона* нашей земли, вотчинника—помѣщика, которому будто бы, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, сообщаемымъ нашими молодыми учеными, работало все существо народа Русскаго—тѣло и душа. До сихъ поръ, и притомъ въ области, гдѣ можно бы его найти, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ обрѣтался, мы его не видали, не встрѣчались въ ликѣ князей и царей нашихъ ни съ завоевателемъ, ни съ вотчинникомъ; напротивъ, типъ его власти совершенно сходенъ съ тѣмъ прототипомъ, который мы выше начертали по чертежу науки. Быть можетъ, явственнѣе, осязательнѣе ликъ собственника отражается въ вещественныхъ предметахъ.

Итакъ II. *Чья земля русская?* Божія, а по милости божіей *наша*, то есть, принадлежитъ въ вѣчную, священную и неприкосновенную собственность всему Русскому народу, настоящему, прошедшему и будущему, или какъ юридическому лицу, нераздѣльной единицѣ. Пріобрѣтена она различными, но законными и вездѣ употребляемыми способами: у Римлянъ называются они *естественными, общенародными, физіологическими* способами (modi naturales, s. ex jure gentium). Земля эта срослась съ Русскимъ народомъ органически, одухотворена нами, осмыслена, и никакая сила, ни человѣческая, ни демонская, не въ состояніи отнять ее у насъ, и останется она въ общемъ владѣніи всего народа, пока Господь Богъ пробавитъ милость свою надъ нимъ, или до конца историческаго его существованія: не будетъ народа Русскаго, не нужно и земли, даже могильной; ибо народы не укладываются въ могилахъ и въ фамильныхъ склепахъ. Землю Русскую никто не завоевывалъ: правда, иногда бывали незаконныя завладѣнія нѣкоторыхъ ея частей, напр., *Литвою, Польшею*; но и эти отрывки вскорѣ возвращались, какъ ушедшія или отбитыя стада, къ своему прирожденному хозяину и пастырю. Къ этой землѣ, уже въ древнѣйшія времена — *великой* и *пространной,* по благословенію божественному за православную вѣру народа, прирастало все, лежащее по ея бокамъ, и сливалось въ одну нераздѣльную единицу: такова — нѣмецкая земля, казанская, сибирская, кавказская и т. д. Если угодно будетъ Промыслу, не откажемся и отъ дальнѣйшихъ расширеній, но всегда законнымъ путемъ; ибо Богъ русскій не любитъ неправедныхъ пріобрѣтеній. У этой Русской

земли даже нѣтъ опредѣленныхъ границъ; кто знаетъ, далеко ли идетъ земля наша по Каспійскому, или по Балтійскому морю? Слѣдовательно, если вздумаетъ водная масса — буйная и вольная по характеру своему, перемѣнить свое мѣстопребываніе, и оставитъ послѣ себя великое земельное пространство, не удивительно, что тогда возникнетъ споръ между береговыми владѣльцами. Въ чью пользу рѣшится тяжба, не могу утвердительно сказать; по всей вѣроятности, въ нашу пользу. Ибо къ Русской землѣ искони вѣка все прирастало: такова, видно, у ней притягательная сила! Но какаго политическаго *цвѣта* была эта Русская земля — *бѣлая* или *черная?* Какое *юридическое* свойство у Русской земли? На языкѣ науки — это *земля священная, необоротная, немѣновая* и *нецѣнная;* а на русскомъ языкѣ — *бѣлая земля;* она такая же точь въ точь, какъ у Римлянъ была италійская, священная, публичная земля (ager sacer, publicus, patrimonium populi Romani). Князья наши не владѣли русскою землею и не передавали ее на правѣ частнаго собственника, или вотчинника: ибо они ее не пріобрѣли, а того, чего самъ не имѣешь, нельзя передать другому. Г. Чичерину весьма извѣстно юридическое правило: *nemo plus juris ad alium transferre potest, quam ipse habet* [1]. Они сидѣли не на Русской землѣ, какъ *фундушѣ*, или юридической субстанціи, а на одной ея поверхности (*superficies*); вотъ по одному этому основанію нельзя здѣсь допустить частной собственности; перемѣняли эту подвижную периферію, смотря по временному и мѣстному удобству. Сперва засѣли они въ Новгородѣ, потомъ ушли на югъ, въ Кіевъ; послѣ перешли на другой конецъ — во Владиміръ, Рязань, Тверь; наконецъ утвердились на московской землѣ. И Москва не была отчина удѣльныхъ, бѣдныхъ московскихъ князей; напротивъ, она произведена только въ новый чинъ, или титулъ, сдѣлалась центральнымъ видимымъ пунктомъ, гдѣ утвердился престолъ верховной власти, сдѣлалась живымъ словомъ, въ которомъ отразилась идея о единствѣ Русской земли и Русскаго народа. Москва, милостивые государи-юристы, не есть какая нибудь вещь, а *понятіе:* эта величайшая рефлексія разсудочнаго народа Русскаго могла получить земельное тѣло вездѣ, но только въ предѣлахъ Русской земли, въ Сибири, Казани, Польшѣ, въ Остъ-зейской землѣ: вездѣ могла быть Москва, гдѣ есть Россія, точно такъ же, какъ *Римъ* вдругъ очутился въ маленькой колоніи, названной *Констан-*

(1) Fr. 20, pr. Dig. XLI, 1.

тинополемъ (nova Roma). Этой земли Русской, какъ не состоящей въ гражданскомъ оборотѣ (res extra commercium) нельзя ни продать, ни купить, ни заложить, ни подарить, ни отказать кому нибудь въ наслѣдство: ибо не знаемъ цѣны. Дорога ли Русская земля? И сколько запросить, на случай, если бы оказался выгодный покупатель?

Не было еще въ мірѣ такого богача, который бы въ состояніи купить одну частицу Русской земли, напр. *Сибирь.* А наши *молодые историки* утверждаютъ, будто бы московскіе князья — бѣднѣйшая отрасль велико-княжескаго рода, скупили всю землю русскую, да и подарили ее въ государственную домену! Мало этого: по наукѣ, и по другимъ соображеніямъ знаю, у насъ нѣтъ даже частной земельной собственности, а одно только *владѣльческое состояніе:* ибо я не вижу въ исторіи *титула*, которымъ государственная, народная земля переведена была въ частную, вѣчную и потомственную собственность. Титулы, которые приводятъ наши юристы въ доказательство вотчинной земли, *гражданскіе*, а не *политическіе*, слѣдовательно неспособны произвести такого страшнаго превращенія; ибо нельзя произвольно перемѣнять титулъ политическій на гражданскій [1]. И такъ, если земля отъ перваго *помѣстнаго* владѣльца, введеннаго въ участокъ подъ условіемъ государственной службы, на время и срокъ (precaria possessio) будетъ передаваться, въ преемственной смѣнѣ лицъ, наконецъ частными титулами (*крѣпостными, дарственными, наслѣдственными* актами), или, для сглаженія ея истиннаго публичнаго типа — спорный обладатель желалъ бы свой процессъ подвести подъ законъ о земской *давности:* то наука отвѣчаетъ, что этого сдѣлать нельзя: ибо *quod initio vitiosum est, non potest, tractu temporis convalescere.* 1. 23. Dig. L, 17. Если бы у насъ была когда нибудь *секуляризація* — дѣлежъ земли, какъ у Римлянъ, то это другое дѣло — безспорное. Но такого дѣлежа, безъ участія народа, сдѣлать нельзя, опять по юридическому правилу о *раздѣльныхъ искахъ* (Actio familiae herciscundae, de communi dividendo, finium regundarum). Взгляните на исторію римскихъ земельныхъ законовъ (leges agrariae)! Собственность народа римскаго (ager publicus) въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, по разнымъ обстоятельствамъ и различными гражданскими титулами (дареніемъ, куплею,

(1) *Titulus s. causa* negotii non mutatur. l. 20 Dig. de regulis juris (L, 17).

наслѣдствомъ) перешла отъ временныхъ владѣльцевъ, какъ бы въ настоящую частную собственность, даже и сознаніе о первоначальномъ ея свойствѣ затерялось, чрезъ смѣну лицъ. Но народъ — его политическіе органы — вѣчно помнили, что это Юпитерова, священная земля, на которую никто не имѣетъ права; а потому — преспокойно отбирали ее у владѣльцевъ и надѣляли различными участками безземельный бѣдный классъ народа: вотъ характеръ аграрныхъ законовъ! Такова и наша Русская земля, по крайнему убѣжденію.

III. Далѣе, обращаемся къ *народу Русскому,* и спрашиваемъ уже себя самихъ: *чьи мы?* и *какого цвѣта: бѣлые* или *черные*? Силу и рѣзкость вопроса, въ такой формѣ поставленнаго, я самъ глубоко чувствую; но меня заставили, принудили дать этотъ рѣшительный оборотъ — молодые юристы.

Между землею и временнымъ ея обитателемъ всегда есть тѣсная связь, нѣкоторая зависимость послѣдняго отъ первой, не смотря на духовную его свободу. На *черной землѣ* какъ будто и люди родятся *черные*. Русская земля, какъ мы выше видѣли, была *бѣлая земля,* и на ней выросъ, воспитался и укрѣпился древній *бѣлый* человѣкъ, не имѣвшій на тѣлѣ своемъ никакого пятна неволи, подъяремной работы, узничества, маятности. Не даромъ такъ воспѣта, возвеличена въ пѣсняхъ, преданіяхъ народныхъ — наша земля-*матушка;* видно — мила она была народу, когда на всей разгульной свободѣ никогда онъ не могъ отъ нея оторваться, скучалъ и горевалъ, когда долго не видитъ ее тѣлесными глазами. Поймите глубокое значеніе этого склада ума нашего и сердца въ отношеніи къ землѣ! Есть одна превосходнѣйшая черта, сохранившаяся вѣрно въ дѣеписаніи народовъ, что у Славянъ не было *рабства,* даже способности къ пониманію этого почти міроваго — мрачнаго состоянія, такъ что военноплѣнныхъ по всѣмъ положительнымъ законамъ, и даже по естественному разуму (secundum rationem humanam), обращаемыхъ вездѣ въ рабство, или чаще убиваемыхъ, наши праотцы пріютили къ семьѣ своей, усыновляли, а если кому хотѣлось возвратиться на свою родную землю, отпускали его почти даромъ, за небольшую заработку. Что это значитъ?...

Германскіе люди, по тяжеловѣсности своей природы, скоро прирастали къ землѣ, и на челѣ своемъ носили земельные знаки, а они, какъ извѣстно по наблюденіямъ, не слишкомъ свѣтлы и чисты. Во всю *среднюю* исторію, на поверхности западныхъ государствъ,

я почти не вижу живаго, свободнаго человѣка; онъ сокрытъ, какъ наростъ, подъ формою *лицъ юридическихъ*; таковы были: феодальные властители съ подвластными вассалами, баронства, графства и герцогства — городовыя общины, и корпораціи — съ цѣховымъ типомъ, и наконецъ великій земельный свѣтскій владѣлецъ — съ массою прикрѣпленнаго народонаселенія — *западная церковь*. А это явленіе какой имѣетъ смыслъ?...

По убѣжденію самаго г. Чичерина, вся эпоха нашей исторіи отъ *Рюрика* до *Московскихъ государей* — отмѣчена печатію вольности, личности, гражданства, такъ что отвсюду поднялись жалобы и вопли на народъ нашъ, что онъ *тягла не тянетъ*, и постоянной *осѣдлости* не знаетъ; а потому *Годуновы и Шуйскіе* прикрѣпили нѣкоторую часть вольницы къ *землѣ*. И такъ, *по отношенію къ землѣ*, народъ Русскій никогда не былъ *кабальнымъ*. По *отношенію къ государству* — князьямъ-царямъ (status publicus), прилагая сюда римскіе типы — онъ состоялъ in *statu libertatis*, *civitatis* et *familiae*, и имѣлъ вездѣ положительный характеръ, не составляя противоположности, отрицанія этихъ типовъ. Такимъ образомъ онъ участвовалъ во всѣхъ юридическихъ и естественныхъ союзахъ — земскихъ и городовыхъ мірахъ, примыкалъ къ нимъ и выходилъ по своимъ временнымъ положеніямъ (ex jure domicilii), какъ подданный, но некабальный, служилъ службу, несъ тягло, исправлялъ повинности; правда, не совсѣмъ охотно, хотя эти оброки были вовсе необременительны у насъ, въ сравненіи съ другими народами, напримѣръ, *германскими*. Мало этого; руководимый разумнымъ инстинктомъ, народъ Русскій ускользнулъ отъ непосредственнаго вліянія князей и правителей, не принималъ почти никакого участія въ разыгрывающейся семейной драмѣ, и слѣдовательно не подвергался никакимъ насильственнымъ переворотамъ, какъ *римскій* страстный народъ это испыталъ. Онъ жилъ въ своемъ *собственномъ мірѣ*. Но когда нужно ему выдти изъ этого дивнаго углубленія, когда безъ народа князьямъ нельзя было ничего сдѣлать, тогда онъ высовывался на сцену политическую *во весь ростъ*, и превращался въ *личность* — въ *земскій соборъ*, въ *народное собраніе*, особеннаго устройства, и здѣсь произносилъ судъ окончательный; *ибо дѣло государственное, великое и невеликое — безъ совѣту всей земли не дѣлается на Руси*. И вотъ этотъ *кабальный*, *черный* народъ — военноплѣнный и крѣпост-

ный работникъ — говоритъ съ законнымъ дерзновеніемъ любимому своему князю *Изяславу Мстиславичу: «Мы тебя любимъ, князь, но нечего дѣлать, иди прочь: не твое время»* (1). Правда, въ народѣ Русскомъ былъ и *черный слой:* «это наши *тяглые люди»*. Но для поясненія такого историческаго явленія, я скажу во первыхъ то, что вездѣ была неволя, и въ языческомъ, и христіанскомъ — искупленномъ мірѣ; во вторыхъ прибавлю, что количество и качество этого человѣческаго, благопріобрѣтеннаго имущества у насъ въ старой Руси было во всѣхъ отношеніяхъ лучше, гуманнѣе, нежели у всѣхъ образованнѣйшихъ народовъ; въ третьихъ, наши *черные люди* были весьма *бѣлы*, въ юридическомъ смыслѣ, и только сравнительно съ высшими, прозрачными, кристальными тѣлами, изъ которыхъ состоялъ почти весь нашъ народъ, они отмѣчены, такимъ — не классическимъ именемъ. Къ слою этому притянула земля только тѣхъ работниковъ, которые непрестанно о ней заботились; руками и ногами, безъ покрывала, лелѣяли ее, и отъ земли — сами немного *почернѣли*.... О! какая страшная, притягательная сила сокрыта въ землѣ! Не здѣсь ли надобно искать первой мысли объ изобрѣтеніи человѣческихъ *сандалій?*..

Но взгляните на *западную землю:* какъ черна она въ сравненіи съ нашею, и какая бездна тамъ *черныхъ людей*, въ юридическомъ настоящемъ смыслѣ! Положимъ, что они тамъ названы болѣе приличнымъ именемъ: *Leibeigene;* но это юридическій вымыслъ (fictio juris); гдѣ работаетъ тѣло, тамъ и душа. И такъ, если тѣло германское принадлежало, какъ вещь (res corporalis), въ полную собственность — вѣчную и потомственную — германскому господину; то по всей вѣроятности, тянула за нимъ и душа: ибо не было никакого экономическаго расчета, кромѣ чистой убыли, владѣть мертвымъ тѣломъ.

И такъ, разбирая первый слой народа, по нынѣшнимъ, а не тогдашнимъ понятіямъ, *низшій*, мы не находимъ въ немъ никакихъ

---

(1) См. въ Русской Бесѣдѣ за 1856 г., IV кн., критическую статью г. *Аксакова* на Исторію Россіи, профессора Соловьева, VI. Здѣсь позволяю себѣ высказать почтеннѣйшему К. С. Аксакову искреннюю благодарность за то душевное наслажденіе, которое я получилъ отъ чтенія превосходной его статьи. Въ первый разъ критика у насъ вылилась въ такой приличной и разумной формѣ. Пора, давно пора бросить дѣтскія игрушки, литературную *шалость*, которую напустили на себя молодые ученые.

почти слѣдовъ вотчиннаго господства. Развѣ не пробралось ли это начало въ высшій слой — къ *боярамъ* и *духовенству?* Но *бояре* наши, стоя во главѣ управленія, готовые на всякую государственную службу, ведущую ихъ къ любимому *кормленію*, въ отношеніи къ князьямъ, удержали необыкновенную, поразительную свободу. Они не были *вассалами* ихъ, и не прикрѣплялись къ опредѣленному лицу ни *феодальною* вѣрностію, ни наслѣдственностію, ни даже долговременностію своего служебнаго, личнаго отношенія. Напротивъ, они мѣняли ихъ непрестанно, *отъѣзжали* отъ нихъ въ самыя трудныя минуты, когда особенно требовалась ихъ служба; и это не было *вѣроломство, измѣна:* ибо они служили русскому государю, какъ юридическому лицу, который былъ какъ бы одинъ на всей Русской землѣ. Мало этого; по *договору* они могли отъѣхать въ чужую землю—Литву, и тамъ служить, но не въ *Швецію:* ибо *Литва* была наша прирожденная отчина, на которую Русскій народъ имѣлъ вѣчное право, и даже никогда не терялъ о ней сознанія. Когда *Литва*, а за ней и *Польша* отодвинулись отъ православной Руси, какъ латинскія земли, и превратились въ природныхъ нашихъ враговъ; тогда служба русскихъ бояръ злодѣямъ нашимъ почиталась какъ бы государственною измѣною, по не по политическимъ началамъ, а по народному *голосу* (vox populi—vox Dei). Потомство никогда не проститъ *князю Курбскому* его отъѣзда!...

Наконецъ, какъ будто виднѣется издали *черный* слой Русскаго народа; это наше *православное духовенство*, которое, за исключеніемъ вышеозначенныхъ слоевъ, одно и остается на поверхности Русской земли. Но здѣсь я прекращаю критическій анализъ: ибо эта область не подлежитъ нашей литературной тяжбѣ; и увѣренъ, что г. Чичеринъ далекъ отъ такого притязанія. На первый взглядъ, я даже готовъ сомнѣваться, чтобы на этой почвѣ можно было отыскать истинные слѣды *чернаго слоя*, потому что *монаха*, вышедшаго изъ всѣхъ земельныхъ, человѣческихъ отношеній, *отпѣтаго* по обряду церковному, едва ли кому возможно обратить въ *крѣпостное состояніе*. Но мудренаго и невозможнаго для нашихъ молодыхъ юристовъ ничего нѣтъ. Недавно, *на дняхъ*, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, показался какой-то *молодецъ*, господинъ *Лохвицкій*, который утверждаетъ самымъ отчаяннымъ образомъ, что россійское духовенство, уже безъ различія, *бѣлое* и *черное*, принадлежало къ *черному*, *тяглому слою*, и кому же оно тянуло? *Церкви*, небесному Царю,

которому оно на землѣ поставлено служить? Совсѣмъ нѣтъ: это— простое, старое, узкое пониманіе: духовенство тянуло своему же духовенству, *властямъ*; измученное ярмомъ, *оно кѣмъ-то*, не умѣю разобрать въ статьѣ г. ученаго, *было выкуплено*, и самыя церкви освобождены изъ частнаго обладанія въ *1667* г.; а о властяхъ церковныхъ утверждаетъ г. *Лохвицкій*, что архіереи, всецѣло *погруженные въ мірскую заботу о сборѣ податей съ тяглаго духовенства, даже не имѣли времени посвящать себя вполнѣ своему высокому божественному служенію* (1). И такъ, мое предположеніе справедливо [illegible]

IV. Юридическія учрежденія.

Вотъ открывается *область*, для юридической рефлексіи чрезвычайно способная: идеи права — по существу своему невидимыя и неосязаемыя, переходятъ въ тѣла; тѣла, какъ вещи, подвергаются строительному процессу, возводятся въ систематическія зданія, двухъэтажныя, трехъ-этажныя, и часто гораздо выше законной высоты, назначенной строительнымъ уставомъ для зданій, гдѣ человѣкъ обитаетъ. Находясь на глазахъ человѣческихъ, эти идеи являются, какъ *учрежденія*, рукою нашею воздвигаемыя, и имѣютъ какъ будто оборотную цѣнность; въ первой порѣ своей, отъ неловкости руки, они почти соприкасаются съ областію чисто-вещественныхъ, имущественныхъ правъ; даже иногда самые строители, а особенно жильцы, считаютъ ихъ за свое собственное, *благопріобрѣтенное* имущество, а слѣдовательно и распоряжаются онымъ по *гражданскимъ титуламъ*. Но въ дальнѣйшемъ возрастѣ общества выясняется закрытый грубою оболочкою настоящій ихъ *типъ*, какъ государственныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, историку-юристу надобно долго, очень долго учиться, и притомъ у самыхъ лучшихъ мастеровъ, чтобы пріучить глазъ къ вѣрнымъ наблюденіямъ, отдѣлить внѣшнюю ткань отъ внутренняго существа институтовъ, и понять не гражданское значеніе самой ткани: въ противномъ случаѣ, неизбѣжны заблужденія. Съ *одной стороны* — благородному стремленію ума эти старыя развалины представляются слишкомъ привлекательными: въ

---

(1) См. въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1857 годъ, № 2, статья *Лохвицкаго* «*Очеркъ церковной администраціи въ древней Россіи.*» стр. 211, 212, 220, 225, 235, 272 и т. д.

антикварномъ чувствѣ есть непостижимая прелесть; *а съ другой стороны*—здѣсь предстоятъ искушенія: можно обмануться въ распознаваніи *античнаго* обломка. При такомъ затруднительномъ положеніи, надобно поступать точно такъ, какъ поступаетъ благочестивый поклонникъ, отправляющійся на поклоненіе святымъ мѣстамъ; то есть, распросить у опытныхъ людей, которые, или сами путешествовали въ свое время по этимъ же мѣстамъ, или по чужимъ землямъ: земля вездѣ одна, и ходятъ по ней одинаковымъ образомъ. А это дѣло почти никакого труда не стоитъ: ибо всякой обязанностію своею сочтетъ разсказать все, что видѣлъ глазъ, и сердце ощущало, и повторить умственно и сердечно свое старое путешествіе: въ такомъ поучительномъ разсказѣ есть своего рода наслажденіе.

Наши новые путешественники по старой Русской, священной землѣ ходятъ смѣло и отважно, въ полномъ довѣріи къ своимъ опытнымъ силамъ, никого не спросятъ, ни съ кѣмъ не посовѣтуются, куда итти, съ какимъ запасомъ, гдѣ встрѣтятся повороты и отвороты отъ истиннаго пути,—на право, или на лѣво; значитъ, *интересуетъ ихъ самый процессъ хожденія, а не цѣль*, какъ сказалъ *Гоголь*. О формѣ походки мнѣ тяжело, совѣстно даже и намекнуть читателю... Но мы намѣрены говорить о *старыхъ юридическихъ учрежденіяхъ*. И такъ, въ формѣ вопроса, подвергнемъ ихъ юридическому анализу: какое имѣютъ свойство всѣ наши *юридическія учрежденія*, разумѣется, только *областныя*, отъ начала Россійскаго государства до XVIII вѣка? *гражданское*, или *политическое?* Кто такіе были эти грозные правители древней Россіи — *волостели, намѣстники, воеводы и дьяки, приказные люди, головы, цѣловальники, губные и земскіе старосты*, однимъ словомъ, весь *честный синклитъ стараго управленія?* Въ какомъ отношеніи они состояли съ *одной стороны* къ своему господину—*князю*, а съ другой къ подвластному народу?

Г. Чичеринъ весь свой историческій, трудообильный розыскъ оканчиваетъ однимъ разсудочнымъ убѣжденіемъ, что это *гражданскіе* институты, съ частнымъ характеромъ собственности; что всѣ областные правители были не болѣе, какъ прикащики, старосты, конторщики, наѣзжіе сыщики, и другіе чины и званія, составляющіе *штабъ русскаго помѣщика*.

Этою мрачною идеею проникается все его тяжеловѣсное сочиненіе,

и получаетъ систематическую стройность: ибо на одинъ тонъ легко напѣваетъ душа свои думы.

Но у науки есть *маштабъ*, которымъ можно провѣрить всѣ неопредѣленныя явленія—даже идеи; а юридическія учрежденія даже видимы, существуютъ на Русской землѣ; и такъ, если и возможно въ этой области человѣческихъ знаній очарованіе, мечтаніе, то оно не продолжительно: стóитъ только прикинуть неопредѣленную величину, или тяжесть на *вѣсы гражданскіе*, въ вѣрности не уступающіе *торговымъ*, и результатъ не обманетъ.

Внутреннюю физіономію гражданскихъ и политическихъ правъ мы раскрыли выше, въ началѣ нашей статьи. Я не стану подводить областныя учрежденія подъ этотъ едва видимый, или, по крайней мѣрѣ, не для всѣхъ равно осязательный маштабъ. Здѣсь требуется глубокое знаніе. Но г. автору поставлю на видъ, не ради упрека, что юристу и такому даровитому магистру, какъ г. Чичеринъ, нельзя обойтись безъ яснаго пониманія юридическаго *типа* институтовъ: а *факты*, какъ мертвыя тѣла, можно оживлять всякимъ духомъ—истиннымъ и ложнымъ, отъ всякаго духа они получатъ движеніе, хожденіе. Но съ какою цѣлію выпускать на свѣтъ русскій бродящія тѣни?

Въ исторіи всѣхъ народовъ, къ несчастію, а можетъ быть, и счастію, бываютъ дѣйствительныя, дневныя происшествія, которыя хотѣлось бы считать за привидѣнія: такъ мрачны и оскорбительны они для духа человѣческаго.

И такъ мы остановимся на одной *внѣшней* физіономіи институтовъ нашихъ, *актовой;* то есть, разсмотримъ ихъ въ *состояніи движенія*, въ дѣйствительной жизни. *Три* момента входятъ въ составъ этого акта: *пріобрѣтеніе*, *прекращеніе* и *охраненіе*. О каждомъ моментѣ особо.

1.) Пріобрѣтеніе. Всѣ гражданскіе способы, ведущіе къ *праву частной собственности*, по участію воли личной въ актѣ, раздѣляются на *односторонніе* и *двусторонніе;* въ системѣ первыхъ ярко отличаются: *давность*, *завладѣніе*, *нарощеніе* (usucapio, *occupatio*, *accessio*). Ни однимъ изъ нихъ, согласно съ историческими памятниками, никогда не установлялись древнія права кормленщиковъ, входящихъ въ систему областныхъ учрежденій. На *Западѣ* отчасти можно замѣчать историческое образованіе нѣкоторыхъ правъ, перешедшихъ въ частное достояніе сословій и об-

ществъ этимъ гражданскимъ путемъ; у *Римлянъ* и у *насъ* никогда: такъ рѣзко ограничивались обѣ сферы правъ и такъ бдительно смотрѣли государственные органы надъ движеніемъ ихъ. Быстрая передвижка лицъ съ одного поля дѣйствій на другое не давала никакого перевѣса гражданскому элементу, всегда тяготѣющему къ личной и потомственной собственности.

Но мы оставимъ въ сторонѣ общую гражданскую систему: она не въ пользу нашего автора говоритъ; напротивъ, какъ бы уступая току мыслей, которому онъ самъ слѣдуетъ, будемъ строго наблюдать за правильностію движенія ихъ. И такъ *всеобщее россійское кормленіе,*—знаменатель, къ которому приведены всѣ живыя единицы, разбросанныя по всѣмъ концамъ земли Русской, установлялось *дарственнымъ актомъ*, милостію и благоволеніемъ князя—вотчинника къ своему вѣрному, служилому человѣку, вѣроятно *бѣдному*: ибо всѣ жалуются на *худые кормы*. Но какого свойства юридическаго этотъ дарственный актъ? По убѣжденію г. Чичерина, *чисто гражданскій*, такъ какъ и самъ *вотчинникъ* не есть государь, а великій, небывалый *помѣщикъ*. И этотъ характеръ нашего князя мы оставимъ неприкосновеннымъ; но за то усилимъ надзоръ надъ его дѣйствіями.

Юридическое свойство всѣхъ дарственныхъ актовъ (Donationes inter vivos et mortis causâ) извѣстно; тонкое ихъ различіе по отношенію къ жизни дарителя намъ теперь и не нужно знать: ибо наши раздаятели щедротъ, князья дѣйствуютъ во всей полнотѣ жизни, позабывши заповѣдь божію: *поминай послѣдняя*. Для любознательнаго читателя я укажу на новѣйшее, для всѣхъ удобопонятное, полное очертаніе дареній у *Савиньи* (1). *Дареніе*, актъ свободнаго, благотворительнаго движенія души, обращается на одни мѣновые предметы: не льзя подарить другому невещественнаго, духовнаго достоянія, при всемъ нашемъ состраданіи къ скудости собрата; оно предполагаетъ взаимность, предложеніе съ одной стороны, и согласіе на принятіе съ другой стороны: можно отказаться, даже съ презрѣніемъ, отъ самыхъ выгодныхъ подарковъ; дареніе, сопровождаемое передачею (traditio), производитъ въ сферѣ человѣческихъ обладаній измѣненіе, въ сферѣ благодѣтеля *уменьшеніе*, а въ моей небогатой соотвѣтственное *увеличеніе*, расширеніе; *предметъ* даренія, какъ ве-

---

(1) *Savigny*, System. IV Band. *Schenkungen*.

щество гражданское, переходитъ въ нашу личную собственность, которою уже мы въ правѣ распоряжаться неограниченно. Такимъ образомъ, повторяя этотъ благотворительный актъ, безъ правилъ экономіи, богатѣйшій владѣлецъ можетъ слѣлаться бѣднѣйшимъ смертнымъ, такъ что для сохраненія своего земнаго бытія принужденъ будетъ просить милостыню у всякаго, кромѣ облагодѣтельствованнаго имъ, *во имя* общечеловѣческое, а лучше и вѣрнѣе *во имя Христово*: я нарочно исключилъ *облагодѣтельствованнаго* изъ этого отраднаго акта, потому что для природы человѣческой нѣтъ чувства болѣе тяжелаго, какъ благодарность, а потому нарушеніе его есть почти общій удѣлъ человѣка. *Римляне* къ этой *общей* юридической физіономіи дареній присоединили *мѣстный*, историческій отливъ; именно совершаясь въ сферѣ нравственно-семейной, между супругами и *между патрономъ и кліентомъ*, актъ дарственный для *первыхъ* рѣшительно воспрещенъ, для *послѣднихъ* подвергнулся странной измѣняемости: можно дареніе вытребовать назадъ, по *неблагодарности* лицъ къ благодѣтелю, и по собственному *оскуденію*, производящему какое-то неприличіе (ob ingratitudinem et ob beneficium *competentiae*). Юстиніанъ возвелъ историческій, условный законъ въ *общее правило*, которое соблюдается даже и въ новыхъ кодексахъ (1).

Одно *русское* дареніе уклонилось отъ юридической нормы, и нѣсколько вѣковъ обозначаетъ главную дѣятельность князей, раздающихъ *кормленія*, своеобразнымъ, или вѣрнѣе безобразнымъ, порядкомъ. Со всѣхъ концовъ земли стекаются къ нимъ торговцы, откупщики, а чаще всего, *убогіе нищіе*, напѣвая свою заунывную пѣснь о *худыхъ кормахъ*, и они выдѣляютъ изъ своей казны различныя доли въ полную собственность, а сами отъ того нисколько не оскудѣвали, напротивъ, только богатѣли: подлинно божіе благословеніе почивало на такихъ дарственныхъ актахъ. Жаль, что *лѣтопись*, сохранившая для насъ много излишнихъ извѣстій о старомъ бытѣ, не упомянула нигдѣ объ этой замѣчательной *операціи*. Получивши въ даръ *судъ, управленіе*, кормленщики, съ логическою послѣдовательностію, будучи собственниками, могли распоряжаться своимъ благопріобрѣтеннымъ достояніемъ свободно, передавая оное, раздѣляя и отчуждая всѣми гражданскими способами; и этого права *они не могли быть лишены даже княземъ* (2). Ну, если они будутъ неблагодарны ему, что весьма

(1) См. *Savigny*, System, § 176.

(2) Областныя Учрежденія, стр. 17

возможно по свойству человѣческой природы, или князь самъ придетъ въ пищету: допускается ли у насъ *revocatio*? Нѣтъ, и быть не можетъ: ибо Русь своенравна. Далѣе, наскучивши хозяйственными хлопотами, неизбѣжными при всякомъ сложномъ управленіи, *наши* кормленщики сами быстро придвигаются къ величавой фигурѣ князя-барина, захотѣли жить весело и спокойно, и всѣ житейскія заботы о судѣ препоручали вѣрнымъ своимъ слугамъ и холопамъ, будучи довольны одними опредѣленными *оброками*. Но я обращу вниманіе читателя на одно для меня непостижимое явленіе: какимъ образомъ, не встрѣчаемъ мы въ старой Руси страшныхъ *владѣльцевъ*, съ своими территоріями, съ судомъ и властію, подобныхъ, если не выше и сильнѣе, князю вотчинику? *На западѣ* это случилось, и изъ простыхъ, смиренныхъ и покорныхъ *вассаловъ* вышли независимые, территоріальные государи, не смотря на феодальную связь; а у насъ—и этой сдерживающей связи между княземъ и кормленщикомъ не существовало; слѣдовательно — самодержавіе намѣстниковъ и воеводъ, по логическимъ выводамъ, должно быть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отдѣленія судныхъ правъ въ частную собственность.

2. Прекращеніе. Гражданскія права, съ момента пріобрѣтенія ихъ, сливаются съ нашею личностію, переходятъ въ нашу плоть и кровь, составляютъ неотъемлемую нашу субстанцію; и уже нѣтъ *закона*, который бы посягнулъ на это человѣческое достояніе, не нарушая уставовъ міровой правды. Съ этого видимаго — личнаго акта освоенія, права наши воспринимаютъ фактическій характеръ, осуществляются на дѣлѣ, въ жизни, каждымъ по своему пониманію, средствамъ и свободной волѣ: въ эту внутреннюю область нашего самовластія почти не проникаетъ государственная власть, если не возбуждаютъ ее какія-либо особенныя, чрезвычайныя обстоятельства. Сфера эта, очерченная законными линіями, только съ *внѣшней* стороны подлежитъ государству, и всегда охраняется имъ судными или полицейскими средствами. И такъ здѣсь начинается жизнь человѣческая—индивидуальная, разнообразнѣйшая, неуловимая въ общихъ типахъ. Взгляните на какой-нибудь *типъ гражданскій*, напр. типъ собственности, съ *жизненной стороны*: возможно ли обхватить умомъ всѣ формы, въ которыхъ онъ преломляется человѣческою волею? Такимъ образомъ, пріобрѣтенное право предполагается существующимъ до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ уничтожено законнымъ способомъ: вотъ знаменитая, необходимая, физіологическая — *praesumtio dominii pleni*. *Способы*, которыми прекращается бытіе ча-

стныхъ правъ, бываютъ—или *самостоятельные*, т. е. гдѣ право одного лица уничтожается, не переходя въ обладаніе другаго: въ установившемся гражданскомъ обществѣ рѣдко можно себѣ представить такой родъ самоуничтоженія; или *производные, передаточные* (modi derivativi), когда право одного переходитъ на другаго, въ томъ же существѣ и составѣ; этими способами большею частію обозначается движеніе человѣческихъ обладаній.

Теперь посмотримъ, какъ движется наша старая и многосложная система кормленій? *Вещественная* сторона—*кормъ*, безъ сомнѣнія, съѣдалась голоднымъ владѣльцемъ, а *юридическая* — право самое, ни на кого не переходила, не передавалась обладателемъ кому-нибудь изъ ближнихъ и любимыхъ членовъ тогдашняго общества; она уходила, къ какому-то — одному хозяину, какъ бы заявляя себя ему о своемъ вѣрномъ бытіи и неприкосновенности отъ частныхъ завладѣній. И такъ, здѣсь совершается какая-то *аномалія*, вовсе негражданская. Что это значитъ? Скоро всѣ эти загадки объяснятся сами собой.

3. Наконецъ, посмотримъ на этотъ чудный институтъ въ послѣднемъ моментѣ: *въ процессѣ*. Римляне этотъ моментъ называли *зеркаломъ права*, въ которомъ они любили наблюдать за внутренними свойствами юридическихъ отношеній; отсюда *процессуальная сторона* права такъ рѣзко и рельефно выдается у нихъ въ *источникахъ*. *Новый міръ* не имѣетъ этого пріема, и, безъ сомнѣнія, проигралъ много въ живомъ и наглядномъ представленіи юридическихъ институтовъ. И такъ, въ случаѣ тяжбы, спора, недоразумѣній, нарушеній этого гражданскаго права *кормленія*,—а такія состоянія всегда и вездѣ повторяются — какими средствами охранялось это благопріобрѣтенное, человѣческое достояніе? Безъ сомнѣнія, *исковымъ* порядкомъ, или *исполнительнымъ*, если право безспорно.

Но какъ установить этотъ диковинный процессъ? Кто въ немъ будетъ истцомъ, кто отвѣтчикомъ? Кто судья, и какой степени? Какъ распредѣлить веденіе доказательствъ—эту ужасную тяжесть (onus probandi)? Въ какую денежную сумму возвести искъ: ибо гражданскіе иски непремѣнно должны имѣть этотъ маштабъ? На кого возложить секвестры, аресты и другія охранительныя обязанности? Въ случаѣ виновности одной стороны, и законности обладанія другой стороны—какимъ образомъ привести въ исполненіе судебный приговоръ? Трудно объяснить самую возможность подобныхъ процессовъ.

И такъ, оставалось во власти борющихся сторонъ послѣднее средство къ защитѣ правъ, такъ часто употребляемое въ исторіи человѣчества, въ первыхъ ея эпохахъ,—*самоуправство*. Но я начинаю уже испытывать тяжелое впѣчатлѣніе отъ гражданскаго анализа; остановлюсь въ дальнѣйшемъ ходѣ.

Всѣ *формы* древняго нашего кормленія имѣютъ другой *политическій* характеръ; *актъ*, которымъ права эти передаются во временное осуществленіе, не есть гражданскій, *дарственный*, но государственный, имѣющій особенное названіе—*жалованной грамоты*.

Князь изъ верховныхъ правъ никому ничего не могъ уступить и отдѣлить въ частную собственность, потому что онъ самъ обладалъ оными не по частному началу. *Судъ* и *управленіе* не имѣютъ вещественной, мѣновой цѣнности; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще не было такого цѣновщика, который бы уставилъ ему цѣну, хотя приблизительную, положимъ, на основаніи десятилѣтней сложности доходовъ, получаемыхъ судьею съ извѣстной земли за судныя дѣла. Здѣсь неизбѣженъ *прочетъ*. Ибо жители, замѣтивши корыстную страсть въ волостелѣ, могутъ взаимно между собой условиться, жить мирно и законно въ теченіи нѣкотораго времени, дабы не давать ему никакого корма; и Господь Богъ, безъ сомнѣнія, поможетъ всякому доброму намѣренію. При такихъ обстоятельствахъ—что̀ оставалось дѣлать кормленщику? Жаловаться князю *на худые кормы*, и просить новаго, болѣе сытаго кормленія? Но и на другой, отвѣденной ему вновь, для пропитанія, землѣ, ожидаютъ его подобныя сдѣлки гражданъ. Всѣ *функціи* нашихъ правителей носятъ высшую, свѣтлую физіономію общественной должности—*munus publicum*, а необходимый ея элементъ—*честь, достоинство—honor, dignitas, auctoritas;* передача этой должности зависѣла отъ верховной власти, представляемой въ лицѣ нашихъ князей — государей. Слѣдовательно князь воленъ былъ отнять кормленіе у одного кормленщика и передать его другому, могъ свободно опредѣлять и увольнять ихъ отъ государственной службы, что̀ и видимъ мы въ непрестанной смѣнѣ намѣстниковъ и воеводъ: въ противномъ случаѣ, даже при наслѣдственности правъ, непремѣнно въ Россіи образовалось бы множество *территоріальныхъ* и *безземельныхъ* государей, чего, по милости божіей, и по государственному ея положенію никогда въ ней не было.

Народъ не отданъ былъ этимъ ненасытнымъ звѣрямъ на *съѣде-*

нiе: иначе и насъ бы теперь не существовало въ человѣческомъ тѣлѣ; онъ подчиненъ былъ земнымъ властямъ, по началу *подданства*, и состоялъ къ нимъ въ свободномъ и законномъ отношенiи. Такимъ образомъ, на несправедливости и притѣсненiя властей онъ могъ во всякое время принести *челобитную*, по инстанцiонному порядку, и безъ сомнѣнiя неправда получала и на землѣ достойную месть. Идея верховнаго величiя, отражающаяся, какъ лучь, въ различныхъ преломленiяхъ, во временныхъ ея органахъ, такъ сказать, не умалялась, а возрастала, и наконецъ сосредоточилась въ могущественномъ единодержавiи. Должности публичной, которую отправляли старые наши волостели, они не могли, по своей волѣ, перенести на другое лицо, тѣмъ менѣе—не такое *жалкое*, на самой низшей ступени тогдашней свѣтской iерархiи стоящее,— на *холопа* своего. Даже представить въ раздраженномъ воображенiи подобную картину человѣческаго общежитiя — страшно! Вообразите себѣ, что какой нибудь волостель—служилый человѣкъ князя, самъ своей особой не хочетъ судить свою волость, а передаетъ всѣ судныя дѣла, *уголовныя* и *гражданскiя*, своимъ собственнымъ *холопамъ* и *тiунамъ*. Могло статься, и безъ сомнѣнiя было, что въ подобной волости жили почтеннѣйшiя особы, изъ высшихъ, свободныхъ слоевъ тогдашняго общества, *дворяне, духовные, именитыя граждане*, которые не были изъяты изъ областнаго вѣдомства. Неужели, безъ уничтоженiя всякой человѣческой личности, и безъ оскорбительнаго разрушенiя достоинства въ самой власти, могъ подчиниться подсудимый суду холопскому?

Видимая, и для неопытнаго, юридическаго глаза соблазнительная передача судебной власти челядинцу означала одну низшую, работную, *фактическую* сторону суда, а не судно-политическую, именно—*позывъ на судъ, выемку* преслѣдуемаго и укрывающагося лица, *первоначальныя мѣры*, вездѣ, во всѣхъ государствахъ предпринимаемыя для установленiя судебнаго процесса, *аресты, допросы, справки, обыски* и т. д. Эта сторона, какъ *полицейская*, и притомъ низшей степени, и въ наше время, у образованнѣйшихъ *конституцiонныхъ* народовъ, завѣдывается обыкновеннымъ *персоналомъ*, состоящимъ у насъ въ Россiи изъ хожалыхъ, разсыльныхъ, сторожей, жандармовъ и другихъ служебныхъ, исполнительныхъ чиновъ—*оффицiаловъ:* ибо отправленiе такихъ дѣлъ несообразно съ высокимъ государственнымъ достоинствомъ судьи; во уваженiе этого достоинства при

каждомъ судѣ около всякой публичной власти, стоятъ послужные *оффиціалы*, готовые при первомъ намекѣ на безпрекословное и безмолвное исполненіе всѣхъ приказаній; составъ этого *штаба* различенъ, по рангу и степени самой власти.—Анализъ *политическаго* элемента въ приложеніи ко всѣмъ нашимъ юридическимъ учрежденіямъ можно продолжать далѣе и далѣе; но этимъ увеличится одно количество истины, а не качество: такимъ образомъ вниманіе читателя я долженъ обратить на выше изложенное ученіе о *началѣ владычества*.

Здѣсь мы должны остановиться въ нашихъ критическихъ замѣчаніяхъ на сочиненіе г. Чичерина: на этомъ спорномъ пунктѣ *о началѣ владычества и господства* прерванъ былъ законнымъ порядкомъ токъ моихъ мыслей, изливавшихся въ живомъ словѣ. Дальнѣйшему, *историко-органическому анализу* основныхъ юридическихъ понятій, въ приложеніи къ исторіи русскаго права, я долженъ дать другое названіе и новую форму. Мнѣ уже тяжело дѣлается преслѣдовать неумолимою логикою даровитѣйшаго русскаго ученаго, впавшаго въ искушеніе литературное; да и обороты рѣчи напоминаютъ на какія-то уже прошедшія отношенія между учителемъ и ученикомъ: теперь мы, послѣ взаимнаго братскаго привѣта (osculum) (1) стоимъ на одной степени предъ наукою. Быть можетъ, встрѣтилось въ комъ-нибудь изъ благосклонныхъ читателей недоразумѣніе относительно тона и плана моихъ критическихъ статей, то я, по нравственному чувству, обязанъ высказать крайнюю свою мысль, которою и начался анализъ. Здѣсь прилагается къ любимому и близкому мнѣ предмету новый трудъ, такого же логическаго характера, какъ и трудъ г. Чичерина,—дабы выяснить темную область историческихъ явленій, и освѣтить ихъ лучемъ истинной науки. Откроюсь въ тайнѣ движенія моего духа: къ дарованію г. Чичерина я имѣю сочувствіе; какъ будто и меня Господь Богъ благословилъ подобнымъ даромъ; а типъ нашего мышленія латинскій, аналитическій, и при томъ совершающійся по закону логическаго противоположенія. Мнѣ казалось, что совершая дважды операцію надъ юридическими понятіями, мы, по крайней мѣрѣ,

---

(1) Мысли мои, изложенныя въ двухъ критическихъ статьяхъ, высказаны были на публичномъ диспутѣ г. Чичерину, какъ кандидату правъ, а не магистру. Вотъ съ какой точки зрѣнія надобно смотрѣть на тонъ и духъ моихъ замѣчаній.

количественно увеличимъ сумму истинъ русской юридической науки, такъ бѣдной еще этимъ достояніемъ. Вотъ разгадка, настоящее объясненіе моего тяжелаго и продолжительнаго труда, обращеннаго критическою формою на г. Чичерина, какъ будто на врага моего литературнаго. Да сохранитъ Господь Богъ и меня и всякаго русскаго человѣка отъ подобныхъ тупыхъ и мрачныхъ покушеній.

Н. Крыловъ.

21 Апрѣля, 1857.
Москва.

исключительно [illegible] время нашей русской юридической науки, какъ одной изъ [illegible] достоинствъ. Этимъ, наконецъ, [illegible] объясненіе моего тяжелаго и [illegible] труда [illegible] практическія формы на [illegible] которыхъ [illegible] моего литературнаго. Да сохранитъ Господь [illegible] въ дѣлѣ и [illegible] русскаго человѣка [illegible]

И. Крыловъ.

[illegible] Марта, 188[illegible]
Москва.

